

ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД "НОВИКА"

ЮРИЙ
ШЕШЕРА

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Исторические приключения (Вече)

Юрий Шестёра

Последний поход «Новика»

«ВЕЧЕ»

2015

Шестёра Ю. Ф.

Последний поход «Новика» / Ю. Ф. Шестёра — «ВЕЧЕ»,
2015 — (Исторические приключения (Вече))

14 сентября 1902 года новейший бронепалубный крейсер II класса «Новик» вышел из Кронштадта в поход на Дальний Восток. К этому времени отношения между Российской империей и Японией сильно обострились и требовалось в кратчайшие сроки обновить и усилить русскую тихоокеанскую эскадру. С первого же дня Русско-японской войны «Новик» принял активное участие в боевых действиях. За бой 27 января 1904 года под Порт-Артуром командира крейсера Н. О. Эссена наградили Золотой саблей с надписью «За храбрость», а двенадцать членов экипажа «Новика» получили Георгиевские кресты. 20 августа 1904 года крейсер был вынужден принять бой с японскими крейсерами «Цусима» и «Читосе». В ходе боя получил три попадания ниже и два выше ватерлинии. Чуть позже командир, ознакомившись с данными радиоперехвата о приближении японских кораблей, приказал затопить крейсер. И в 23 часа 30 минут у Корсаковского поста острова Сахалин крейсер лёг на грунт...

© Шестёра Ю. Ф., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава I	14
Глава II	22
Глава III	38
Глава IV	45
Глава V	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Юрий Шестера

Последний поход «Новика»

© Шестера Ю. Ф., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

Пролог

– Господа кадеты!¹ Приказом директора Морского корпуса² вы переведены в старший класс с производством в чин гардемарина³. Поздравляю вас, господа гардемарины, с этим знаменательным событием в вашей флотской службе!

– Ура-а-а! Ура-а-а! Ура-а-а!

По флотскому обычаю, троекратно и протяжно, с сияющими от счастья глазами, воодушевленно прокричали новоиспеченные гардемарины, среди которых был и Андрей, сын Петра Михайловича Чуркина. Еще бы! Ведь через каких-то неполных два года с учетом стажировки на кораблях на их плечи лягут столь долгожданные шитые золотом офицерские погоны... А это и относительная свобода, и финансовое благополучие, и соответствующее положение в обществе.

* * *

Флотский офицер в чине капитана 1-го ранга подошел к двери кабинета с латунной табличкой с надписью на ней: «Контр-адмирал Чуркин П. М., Товарищ председателя Морского технического комитета». Он улыбнулся и, постучав в дверь, открыл ее:

– Разрешите, ваше превосходительство?

Контр-адмирал встал из кресла за широким письменным столом. Его глаза радостно засветились:

– Проходите, проходите, Степан Осипович!

Он вышел из-за стола и крепко пожал руку посетителю. Затем пригласил присесть напротив себя за нешироким столом, перпендикулярно приставленным к письменному столу.

– Какими судьбами пожаловали ко мне, Степан Осипович?

– По случаю убытия в кругосветное плавание, Петр Михайлович.

Контр-адмирал удивленно приподнял брови.

– Я назначен начальником экспедиции на корвете⁴ «Витязь», – пояснил Макаров⁵. – Дело в том, что Япония быстрыми темпами наращивает промышленное производство и, почувствовав силу, все чаще обращает свои взоры на Маньчжурию и Корею. А это, естественно, всту-

¹ **Кадет** – воспитанник младших классов Морского корпуса.

² **Морской корпус** – привилегированное военно-морское учебное заведение России, готовившее для флота строевых корабельных офицеров.

³ **Гардемарин** – воспитанник старшего класса Морского корпуса.

⁴ **Корвет** – винтовое парусно-паровое судно второй половины XIX века водоизмещением 800–3500 тонн, со скоростью до 14 узлов, с 12–32 орудиями на верхней палубе.

⁵ **Макаров** Степан Осипович (1848–1904) – русский флотоводец, океанограф, полярный исследователь, кораблестроитель, вице-адмирал. Родился в семье прапорщика флота, выслужившегося из солдат. В 1865 окончил морское училище в Николаевске-на-Амуре, в 1869 произведен в мичманы. В 1876 после перевода на Черноморский флот предложил оборудовать пароход «Великий князь Константин» для перевозки минных катеров в районы стоянки кораблей противника с целью их атаки, чем положил начало созданию миноносных кораблей и торпедных катеров. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 осуществил эту идею и провел ряд успешных атак турецких кораблей шестовыми минами, а также впервые использовал самодвижущуюся мину-торпеду Уайтхеда. В 1886–1889, командуя корветом «Витязь», совершил кругосветное плавание. В 90-х годах изобрел бронебойные наконечники (т. н. «наконечники Макарова») к артиллерийским снарядам, значительно увеличив их пробивную силу. В 1894–1896 совершил второе кругосветное путешествие. Выдвинул идею создания мощного ледокола для исследования Арктики и руководил постройкой ледокола «Ермак», совершив на нем два пробных арктических рейса. В 1897 опубликовал капитальный труд «Рассуждения по вопросам морской тактики», в котором изложил основы тактики парового броненосного флота. После начала Русско-японской войны 1904–1905 назначен командующим Тихоокеанской эскадрой. Успешно руководил действиями кораблей при обороне Порт-Артура, но вскоре погиб на эскадренном броненосце «Петропавловск», подорвавшись на mine.

пает в противоречие с устремлениями России в этом районе земного шара. Потому в целях демонстрации силы решено усилить морскую мощь Дальнего Востока посылкой туда только что построенного корабля первого ранга с дальнобойной артиллерией, коим и является корвет «Витязь».

– Следовательно, ваше кругосветное плавание не имеет чисто научных целей?

– Совершенно верно, Петр Михайлович. Морским министерством поставлена только одна задача: усовершенствовать морскую подготовку личного состава корабля. Поэтому средств на научную работу казной не отпущено. Тем не менее я намерен проводить гидрологические и метеорологические наблюдения по всему маршруту следования «Витязя», хотя, видимо, придется измерительные приборы изобретать и мастерить из подручных материалов, а иногда и покупать на собственные средства. Но ведь опыт-то есть!

– Вы имеете в виду исследование вами течений в проливе Босфор?

– Вы совершенно правы, Петр Михайлович. Когда после окончания Русско-турецкой войны я командовал стационаром⁶ «Тамань», который находился в подчинении русского посольства в Константинополе, у меня было предостаточно времени для этого. Но серьезным препятствием в работе было то, что, по турецким портовым правилам, стоянка судов на фарватере не разрешалась. Поэтому, чтобы не вызывать подозрения турок, проявлявших особую бдительность в отношении русских кораблей, мы производили промеры и наблюдения на разных глубинах или в сумерки, или пользуясь прогулками и поездками русского посланника по рейду. Такая работа урывками представляла много неудобств, и я старался использовать малейшую возможность, чтобы работать на самом фарватере.

И вот однажды английский пароход, придя на рейд и не найдя свободной бочки⁷, стал у той, у которой уже стояла «Тамань». Как командир военного корабля, я мог, конечно, не допустить этого. Но решил схитрить. Приказав немедленно развести пары, отошел от англичанина и стал на самой середине фарватера. Турки, разумеется, всполошились, но я заявил, что нет таких правил, чтобы у одной бочки становились два корабля, и поэтому я вынужден был сойти с места. Пока шли переговоры и для «Тамани» подыскивали другой «мертвый якорь», прошло пять дней. За это время мы произвели, стоя на фарватере, много серийных наблюдений над течениями, температурой и плотностью воды на разных глубинах.

– Прямо как в захватывающем приключенческом романе, – улыбнулся контр-адмирал.

– Похоже, Петр Михайлович, – улыбнулся и Макаров, а затем продолжил: – И после опубликования моей работы «Об обмене вод Черного и Средиземного морей», удостоенной в прошлом году премии Академии наук, я уже не могу отказаться от проведения подобных исследований во время предстоящего кругосветного плавания.

– От всей души поздравляю вас, Степан Осипович. Это вполне соответствует вашим устремлениям и способностям. Вначале по необходимости, разумеется, – улыбнулся адмирал, – вы отличились в войне с турками, применяя минные катера для подрыва турецких броненосных кораблей, а теперь вам предстоит стяжать лавры исследователя вод Мирового океана. Блестящая перспектива. Как мне представляется, никто из наших мореплавателей, да и не только наших, не занимался вплотную этими вопросами?

– Вы не совсем правы, Петр Михайлович. Конечно, большинство наших знаменитых капитанов начала нынешнего столетия, осуществляя кругосветные плавания, лишь эпизодически уделяли внимание этим вопросам, да и то, как правило, ограничиваясь метеороло-

⁶ **Стационар** – иностранное судно, постоянно находящееся на стоянке в порту колонии или полуколонии, несущее полицейскую службу.

⁷ **Бочка** – железный или стальной поплавок с металлическим кольцом, имеющий вид закупоренного цилиндра, стоящего на мертвом якоре, т. е. на постоянно положенном на грунт. Бочки устанавливаются на рейдах и в гаванях и служат для постановки на них кораблей и судов.

гическими наблюдениями. А вот программа научных работ, выполненных экипажем брига⁸ «Рюрик» под командованием лейтенанта Коцебу⁹, затрагивала все важнейшие вопросы метеорологии, гидрологии и гидрографии. Наблюдения же, проведенные русским академиком Ленцем¹⁰, сопровождавшим Коцебу уже во втором его кругосветном плавании на шлюпе¹¹ «Предприятие», не только первые в хронологическом отношении, но первые и в качественном. Я ставлю их выше своих наблюдений и наблюдений «Челленджера»¹².

Кстати, мое внимание привлекла работа вашего деда Андрея Петровича Шувалова, почетного члена Петербургской академии наук, который во время кругосветного плавания на военном транспорте «Кроткий» под командой капитан-лейтенанта Врангеля¹³ проводил ежедневные гидрологические и метеорологические наблюдения по всему маршруту его движения. Во всяком случае, я уже заказал сделать выписки из шканечного журнала¹⁴ «Кроткого», касающиеся этих наблюдений.

– Не скрою, что рад услышать от вас, Степан Осипович, о заслугах моего деда, именем которого очень дорожу. Ведь он достойно заменил мне отца, скоропостижно скончавшегося от желтой лихорадки в Бухаре, когда мне не было еще и трех лет от роду.

– Я был в курсе ваших семейных проблем, когда, еще будучи лейтенантом, проходил службу в отделе минного оружия Морского технического комитета, начальником которого вы были. У нас с вами сложились в то время довольно близкие отношения.

Контр-адмирал развел руками.

– Поэтому я чрезвычайно благодарен вашему деду, – продолжил капитан, – так как теперь можно будет, сравнивая его наблюдения и наблюдения других ученых с теми, что будут проводиться на «Витязе», сделать выводы об изменениях в гидрологии и метеорологии, произошедших более чем за полвека, или в отсутствии таковых. Но, как в свое время вы учили меня, отрицательный результат – тоже результат.

– У вас, Степан Осипович, всегда были прекрасные способности.

– Благодарю вас за столь лестный отзыв и за ваше благотворное влияние, – заметил и Макаров.

– За исключением, пожалуй, только бороды. Это ваше приобретение никоим образом не связано с моим влиянием. Не так ли, Степан Осипович?

⁸ **Бриг** – двухмачтовое парусное военное судно с прямыми парусами, имел 10–24 пушки только на верхней палубе. Предназначался для крейсерской, разведывательной и посыльной службы.

⁹ **Коцебу** Отто Евстафьевич (1788–1846) – русский мореплаватель, капитан 1-го ранга. Участвовал в трех кругосветных плаваниях: в 1803–1806 на шлюпе «Надежда» под командой И. Ф. Крузенштерна, в 1815–1818 руководил морской экспедицией на бриге «Рюрик», в 1823–1826 на шлюпе «Предприятие» в руководимой им экспедиции. С 1830 – в отставке по болезни.

¹⁰ **Ленц** Эмилий Христианович (1804–1865) – знаменитый русский физик, академик, профессор Петербургского университета, а впоследствии его ректор. Участвовал в кругосветном путешествии Коцебу на шлюпе «Предприятие». Результаты своих наблюдений, главный образом по океанографии, опубликовал в «Мемуарах Академии наук» за 1831 год. Известен своими замечательными работами по электромагнетизму и изучению теплового действия электрического тока.

¹¹ **Шлюп** – трехмачтовое парусное военное судно с прямыми парусами на передних мачтах и косым – на кормовой. Имел 16–32 пушки. По размерам средний между корветом и бригом. Использовался с конца XVIII и до середины XIX вв. главным образом для научных и кругосветных плаваний.

¹² **Справка** – Первая мировая океанографическая экспедиция проходила с 1872 по 1876 год на борту английского фрегата «Челленджер».

¹³ **Врангель** Фердинанд Петрович (1797–1870) – русский мореплаватель, почетный член Петербургской АН (1855), барон, адмирал. В 1817–1819 участвовал в кругосветном плавании В. М. Головнина на шлюпе «Камчатка». В 1820–1824 возглавлял Колымский отряд экспедиции для поиска сев. земель. В 1825–1827 возглавлял кругосветную экспедицию на военном транспорте «Кроткий». В 1829–1835 главный правитель Русской Америки. С 1840 по 1849 директор Российско-американской компании. В 1855–1857 морской министр. Был противником продажи Аляски США.

¹⁴ **Шканечный журнал** – современное название – вахтенный журнал. Книга, ведущаяся на кораблях с момента вступления их в строй и до исключения из списков действующего флота. Основной официальный документ, содержащий записи, которые отражают как повседневную, так и боевую жизни и деятельность корабля. Ведется вахтенным офицером.

– Совершенно верно, – несколько смущенно улыбнулся капитан 1-го ранга. – Это уже влияние некоторого поветрия в среде флотских офицеров, сложившегося в связи с их участием в кругосветных плаваниях. Стало считаться, что офицер, участвовавший хотя бы в одном кругосветном плавании, обязательно должен носить бороду. Своего рода отличительный признак, причастность, так сказать, к кругу избранных. А посему, как только мне сообщили о назначении меня руководителем кругосветной экспедиции, я, будучи уже командиром «Витязя», стал заранее отпускать бороду под стать «морским волкам», уже обошедшим земной шар под Андреевским флагом.

– Стало быть, я, судя по вашим словам, не отношусь к кругу избранных, совершивших кругосветное путешествие? – улыбнулся контр-адмирал, поглаживая свой гладко выбритый подбородок.

Макаров смутился:

– Видимо, у вас, Петр Михайлович, более трезвый взгляд на то поветрие в среде флотских офицеров, о котором я упомянул, что, на мой взгляд, делает вам честь.

– Спорное, конечно, утверждение, – усмехнулся тот, испытующе глянув на собеседника – уж не подхалимничает ли? Однако, увидев искренность в его глазах, напряженно устремленных на него, вынес свой окончательный вердикт: – Тем не менее должен отметить, что борода идет вам, Степан Осипович.

– Спасибо на добром слове, Петр Михайлович! Ведь я, честно говоря, несколько побаивался услышать от вас несколько иную оценку моего, как вы выразились, «приобретения».

Между ними были восстановлены отношения, которые сложились десять лет тому назад. Тем более что разница в их возрасте в шесть лет уже не имела сколь-нибудь существенного значения.

– От всей души поздравляю вас, Петр Михайлович, с орлами на погонах! – капитан 1-го ранга с уважением посмотрел на адмиральский погон с золотым плетением, украшенный черным двуглавым орлом, олицетворявшим герб Российской империи.

– Спасибо за поздравление, Степан Осипович! Но ведь и вам осталось сделать только один шаг до этих орлов.

– Вы оптимист, Петр Михайлович! «Оптимист в квадрате», как любил говорить один из преподавателей мореходного училища, – пояснил он. – Вы же знаете, что для этого нужен не просто шаг, а целый прыжок. Ведь это переход офицера в совершенно новое состояние.

– Зная ваши способности, я ничуть не сомневаюсь в том, что вы непременно перейдете в это новое состояние, Степан Осипович, – улыбнулся контр-адмирал. – Ведь за время нашей совместной службы вы должны были убедиться в том, что я редко ошибаюсь в своих предположениях. Не так ли?

– Мне остается только надеяться на вашу проницательность, Петр Михайлович. А посему разрешите полюбопытствовать: как давно вы обосновались в этом кабинете? – и он провел рукой по довольно просторному, производящему впечатление помещению.

– Только в прошлом году, – пояснил контр-адмирал. – Василий Митрофанович Дементьев, мой тесть, которого вы, конечно, помните, – Макаров утвердительно кивнул головой, – уходя в отставку по возрасту, предложил председателю Комитета представить морскому министру для утверждения на его должность мою кандидатуру. Что тот и сделал.

– Отдаю должное его мудрости.

– Не могу не согласиться с вашим мнением, Степан Осипович.

– Кстати, Петр Михайлович, как поживают ваша супруга Александра Васильевна и сын Андрей?

Контр-адмирал улыбнулся, отметив учтивость собеседника.

– Слава богу, в полном здравии, Степан Осипович. Только за это время Александра Васильевна успела подарить мне и второго сына – Степана.

Макаров помолчал, а затем нерешительно спросил:

– Я, конечно, понимаю, что придаю слишком большое значение своей особе, но все-таки хотелось бы узнать у вас, Петр Михайлович, не связано ли имя вашего второго сына с моей скромной персоной?

– Частично, Степан Осипович, – улыбнулся Чуркин, – потому как родился он накануне Русско-турецкой войны, в 1876 году. А вы в это время были назначены командиром военного парохода «Великий князь Константин» на Черном море, оснащенном минными катерами. И в соответствии с этим ожидали успешного применения минного оружия, над созданием которого мы с вами вместе работали в отделе нашего Комитета, где я тогда был руководителем. И посему при выборе имени новорожденному сыну мы с Александрой Васильевной не могли не учесть тех довольно близких отношений, которые сложились между нами.

– Я весьма признателен вам, Петр Михайлович, за столь теплое отношение.

– Это дань нашей дружбе, Степан Осипович. А вот мой старший сын Андрей, о котором вы упомянули, только недавно произведен в гардемарины, – не удержался контр-адмирал, чтобы не поделиться радостью с бывшим сослуживцем. – А сейчас он находится в практическом плавании по Финскому заливу на учебном судне Морского корпуса.

Макаров сразу же оживился:

– Так в чем же дело, Петр Михайлович? Давайте я зачислю его в состав своей экспедиции. Благо, что вакантная должность гардемарина пока имеется.

Контр-адмирал несколько растерянно посмотрел на капитана 1-го ранга, пытаясь оценить его столь неожиданное предложение. А затем с оттенком сомнения в голосе произнес:

– Но ведь ваша экспедиция, Степан Осипович, продлится никак не менее трех лет? – Тот утвердительно кивнул. – В то время как уже через два года с учетом стажировки на кораблях Балтийского флота Андрей должен быть произведен в мичманы, – заметил он. – Вот и получится, что его однокашники будут в течение года щеголять с офицерскими погонами на плечах со всеми вытекающими отсюда привилегиями, а мой сын в это время так и будет оставаться гардемаринном.

– Это не так, Петр Михайлович! – воскликнул Макаров. – Этот «потерянный», по вашему мнению, год окупится сторицей! Вы же прекрасно знаете, что в наше время для производства мичмана в лейтенанты необходимо его участие в кругосветном плавании. – Контр-адмирал утвердительно кивнул головой. – Кроме того, Андрей приобретет бесценный опыт участия не просто в кругосветном плавании, а участия в научных наблюдениях, о которых мы с вами уже говорили. А это высоко ценится. К тому же он будет, как вы сказали, «оставаться гардемаринном», находясь в дальнем плавании, и тем самым не будет испытывать дискомфорта при виде своих однокашников с мичманскими погонами на плечах.

– Да еще под руководством столь опытного командира, близко знакомого с его отцом.

Макаров улыбнулся:

– Не вы ли, Петр Михайлович, предполагали в свое время, что когда-нибудь наши пути с вашим сыном могут пересечься при несении флотской службы? – Тот утвердительно кивнул головой. – Так вот этому самому пересечению, как мне представляется, и пришло время, – убежденно заключил он.

– Прошу извинить меня, Степан Осипович, за некоторые колебания, – признался контр-адмирал, – просто ваше предложение было для меня, признаюсь, очень неожиданным.

И задумался, вспоминая о своем плавании на фрегатах «Аскольд» и «Александр Невский» и о своем неизменном спутнике и друге Илье Долгорукове, трагически погибшем впоследствии на броненосной канонерской лодке «Русалка», будучи старшим офицером, во время попытки снять ее с подводных камней в шхерах Финского залива. А виной тому был бушевавший в них жестокий шторм. Он вздохнул, а затем, как бы отбрасывая эти тяжкие воспоминания, внимательно посмотрел на Макарова.

– Однако в связи с вашим предложением у меня будет к вам одна просьба. В виде дополнения, – уточнил он.

– Я весь внимание, Петр Михайлович.

– Не могли бы вы, Степан Осипович, в этом случае взять на «Витязь» еще одного гардемарина, друга Андрея? Исходя из собственного опыта, я полагаю, что в дальнейшем плавании весьма важно, чтобы рядом был человек с родственной душой, с которым можно было бы поделиться впечатлениями обо всем увиденном и доверить ему свои сокровенные мысли. Лично мне в этом плане повезло. Однако юному гардемарину, как мне представляется, трудно будет завести не то, что дружбу, но даже более или менее близкие товарищеские отношения с кем-либо из офицеров ввиду как разницы в возрасте, так и в служебном положении.

– Целиком и полностью разделяю ваши опасения, Петр Михайлович. Мне самому в этом плане было очень тяжело. Во время девятимесячного плавания в Сан-Франциско на корвете «Богатырь» в составе Тихоокеанской эскадры контр-адмирала Попова¹⁵ я исполнял должность даже не гардемарина, а лишь кадета. Но, к великому сожалению, на «Витязе» второй штатной должности гардемарина не предусмотрено.

Контр-адмирал понимающе вздохнул.

– Тем не менее я постараюсь сделать все возможное, чтобы «выбить» в морском департаменте эту дополнительную должность.

– Буду весьма признателен вам за это, Степан Осипович! – сразу же оживился контр-адмирал и с полупоклоном приложил руку к сердцу.

– Кстати, о каком гардемарине идет речь, Петр Михайлович?

– Об Алексее Черняховском.

– Хорошо, Петр Михайлович, – Макаров сделал пометку в своем блокноте.

Контр-адмирал облегченно откинулся на спинку кресла – он знал, что Макаров непременно добьется положительного решения в этом непростом вопросе. Однако в связи с этим его волновало еще одно обстоятельство.

– Не считаете ли вы, Степан Осипович, что мне стоит заблаговременно переговорить по этому вопросу с отцом Алексея Черняховского, тоже флотским офицером, чтобы для него это не было такой же неожиданностью, как и для меня?

Макаров ненадолго задумался.

– Думаю, что в этом нет необходимости, Петр Михайлович. Во-первых, не исключено, что мне не удастся «пробить» вторую должность гардемарина, и он с сыном будет разочарован этим. А в случае удачи он, безусловно, будет рад возможности отправить сына в кругосветное плавание на «Витязе», тем более вместе с вашим сыном, в чем я ничуть не сомневаюсь.

– Вам виднее, – с облегчением сказал Петр Михайлович. – В таком случае, – заметил контр-адмирал, – разрешите мне поинтересоваться, какова в настоящее время обстановка на Дальнем Востоке? В связи с предстоящим плаванием, вы, несомненно, располагаете более подробной информацией?

– Безусловно, Петр Михайлович. К великому сожалению, – он тяжело вздохнул, – для России она стала значительно хуже той, что была хотя бы полвека тому назад. Ведь в тридцатых годах Российская империя смогла вполне обоснованно объявить Берингово море своим внутренним морем, как, скажем, Белое море. И ни у одной морской державы это

¹⁵ **Попов** Андрей Александрович (1821–1898) – русский кораблестроитель, адмирал. Окончил Морской корпус. С 1838 служил на Черном море, участник Крымской войны 1853–56. В 1858–1861 командовал отрядом кораблей на Тихом океане, а в 1862–1864 эскадрой, с которой совершил визит в Сан-Франциско во время гражданской войны в США. С 1865 занимался научной работой, изучал военное кораблестроение. По его проектам в 1870–1899 были построены первые в истории броненосные крейсера типа «Генерал-адмирал», первые русские броненосцы, в том числе «Петр Великий», полуброненосные фрегаты и др. корабли. Попов являлся также автором проекта плавучей батареи, корпус которой имел форму круга (так называемой «поповки»).

не вызывало каких-либо сомнений в его правомочности. Однако с продажей американцам в 1867 году территории Русской Америки¹⁶, которую наши дипломаты тактично называли Аляской, все круто изменилось. А после подписания в Петербурге через восемь лет русско-японского договора, по которому все Курильские острова отходили к Японии в обмен на Южный Сахалин, уже и Охотское море оказалось практически отрезанным от Тихого океана. И теперь только Камчатка осталась свободной для выхода России в Тихий океан.

– Но в соответствии с Парижским мирным договором, подведшим итоги Крымской войны, России, как проигравшей в ней стороне, запрещалось иметь какой-либо порт на Камчатке. Не так ли, Степан Осипович?

– Вы совершенно правы, Петр Михайлович. Однако после Франко-прусской войны 1870 года, проигранной Францией, Россия отказалась от соблюдения условий позорного для нее Парижского договора. И как вы помните, уже накануне Русско-турецкой войны семьдесят седьмого – семьдесят восьмого годов Россия стала создавать на Черном море свои военно-морские силы, что ей было запрещено тем же Парижским договором. А я с вашей великодушной помощью стал командиром прославившегося в дальнейшем военного парохода «Великий князь Константин», оснащенного минными катерами.

Контр-адмирал ностальгически улыбнулся, кивнув головой.

– Так что теперь мало-помалу возрождается и Петропавловский порт на Камчатке, – пояснил Макаров.

– Большое спасибо за исчерпывающую информацию, Степан Осипович. Однако меня до сих пор мучает вопрос о целесообразности продажи так называемой Аляски Северо-Американским Штатам. Это, как вы понимаете, в первую очередь связано с пребыванием в течение шестнадцати лет в Русской Америке моего деда, много сделавшего для ее развития. А ведь он, как мне известно, предсказывал ей блестящее будущее. И вот одним росчерком монаршего пера на ней поставлен крест.

Он тяжело вздохнул и посмотрел в окно, за которым беззаботно щебетали воробьи, видимо, радуясь столь редкой для столицы солнечной погоде.

– Я, Петр Михайлович, хотел бы только отметить, что те семь миллионов двести тысяч долларов, то есть около одиннадцати миллионов рублей, за которые была продана Аляска, до России так и не дошли. Дело в том, что эти доллары были в Нью-Йорке переведены в золото, которое погрузили на английский фрегат «Оркней». Однако тот уже в самом конце перехода в Кронштадт потерпел кораблекрушение, и золото оказалось на дне Балтийского моря.

– Я в курсе этого печального события. Похоже, что эта несправедливая сделка России была отмечена клеймом проклятия, – усмехнулся Петр Михайлович.

– Может быть, и так, – согласился Макаров. – Петр Михайлович, примите мою сердечную благодарность за найденное для нашей беседы время.

– Это я должен быть благодарен вам за то, что нашли время зайти ко мне перед уходом в кругосветное плавание да еще пристроить моего сына на «Витязь», обеспечивая ему тем самым беспрепятственную возможность прохождения флотской службы. Вам самому в силу ряда обстоятельств, связанных с вашим происхождением, пришлось в полной мере хлебнуть горьких разочарований. Как известно, первый флотский чин мичмана мог присваиваться только дворянину, в то время как ваш отец при вашем рождении имел чин флотского прапорщика, выслужившись из солдат, который давал ему лишь личное дворянство.

– Это так, Петр Михайлович, – вздохнул Макаров, – однако нашлись люди, в том числе, например, контр-адмирал Казакевич, бывший в то время военным губернатором Уссурийского

¹⁶ **Русская Америка** – неофициальное название русских владений во 2-й половине XVIII – 2-й половине XIX века на полуострове Аляска, Алеутских о-вах, по северо-западному побережью Северной Америки.

края и командующим Охотской флотилией, которые помогли мне выбраться из этого, казалось бы, безвыходного положения.

Контр-адмирал усмехнулся:

– Благодарите лучше, Степан Осипович, свои незаурядные способности. И тем не менее вам все же пришлось после окончания мореходного училища в Николаевске, что на Амуре, четыре томительных года ждать производства в мичманы.

– Мои мытарства – это неизбежные издержки нашего государственного устройства. И не более того.

– Полностью согласен с вами, и очень рад, что теперь все это осталось уже позади. А посему от всей души желаю вам успехов как в предстоящем кругосветном плавании, так и в дальнейшей флотской службе. Семь футов вам под килем, Степан Осипович!

– Огромное спасибо за столь дорогое для моряка пожелание, Петр Михайлович! – проникновенно ответил Макаров, крепко пожав ему руку.

Глава I

Кругосветное плавание

Петр Михайлович вернулся со службы домой. Как всегда, его встретила жена Александра Васильевна. Приняв у него фуражку, она взволнованно сообщила, что во второй половине дня неожиданно пришел домой сын Андрей.

– Ведь сегодня не воскресенье, когда воспитанников Морского корпуса отпускают в увольнение, – пояснила она, тревожно глядя на супруга.

– Ну и что же стряслось? – спросил Петр Михайлович, которому передалось ее волнение.

– Да понимаешь, Петруша, он ничего толком не сказал, видимо, дожидаясь твоего возвращения. А затем ушел в свою комнату, куда тут же шмыгнул и Степа.

– Разберемся, Саша, – поспешил он успокоить супругу.

Из своей комнаты вышел с нетерпением ожидавший прихода отца Андрей. Степан завороченно смотрел на старшего брата, одетого во флотскую форму, пошитую с иголочки.

– Здравия желаю, ваше превосходительство! – приветствовал отца Андрей.

– Здравия желаю, гардемарин! – в тон ему ответил Петр Михайлович, вглядываясь в лицо сына и пытаясь по его выражению определить причину его прихода домой в неурочное время.

Они обнялись.

– Ну и вымахал же ты, однако, Андрюша! – непроизвольно воскликнул Петр Михайлович, отстранив сына и оглядев его с ног до головы, как будто увидел впервые после долгой разлуки.

– Как говорит мама, яблоко от яблони далеко не падает! – улыбнулся тот.

Александра Васильевна при этих словах сына счастливо улыбнулась, с любовью глядя на дорогих для нее мужчин.

– Есть мужской разговор, папа, – сообщил Андрей уже серьезным тоном, подчеркивая тем самым конфиденциальность предстоящего разговора, исключающего присутствие матери и уж тем более Степы.

– Тогда проходи в кабинет, – Петр Михайлович слегка подтолкнул сына и многозначительно посмотрел на супругу, которая женским чутьем почувствовала важность той новости, с которой Андрюша хотел поделиться с отцом. – А ты, Александра Васильевна, распорядись насчет ужина.

– Конечно, Петр Михайлович! – ответила она взволнованным голосом.

Не успели они сесть в кресла, как Андрей с сияющими от счастья глазами на одном дыхании выпалил:

– Сегодня, после возвращения учебного судна из практического плавания, меня вызвал к себе директор Морского корпуса и сообщил, что я направляюсь в распоряжение капитана первого ранга Макарова, командира корвета «Витязь», для участия в кругосветном плавании!

– Поздравляю тебя, Андрюша! Это очень хорошая новость! – поздравил сына Петр Михайлович, стараясь не выдать своей осведомленности об этом. – Потому-то тебя и отпустили домой в неурочный час?

– Конечно, папа! И не только предупредить вас с мамой об этом, но и собрать необходимые вещи. Ведь я должен буду уже завтра убыть на «Витязь», который стоит на Кронштадтском рейде.

– Для этого времени будет вполне достаточно, – прикинул тот. – Кстати, ты уволен из корпуса с ночевкой?

– Так точно! До десяти ноль-ноль утра завтрашнего дня.

– Вот и хорошо!

– Представь себе, папа, – возбужденно продолжил Андрей, – мало того, что я иду в кругосветное плавание, так на «Витязь» вместе со мной назначен и Алексей Черняховский!

«Ай да Степан Осипович! Пробыл-таки вторую должность гардемарина!» – обрадовался Петр Михайлович.

– Это очень здорово, Андрюша! – порадовался он за сына. – Теперь будет с кем поделиться впечатлениями от всего увиденного в дальнем походе. А впечатлений будет более чем предостаточно – это я тебе, сынок, гарантирую.

Глаза гардемарина засветились восторгом.

– Когда «Витязь» покидает Кронштадт?

– Директор корпуса не назвал точную дату, но, как я понял, скоро. А это, папа, – с затаенной надеждой спросил гардемарин, – не тот ли Макаров, который несколько раз бывал в нашем доме перед Русско-турецкой войной, а затем стал командиром «Великого князя Константина», о славных делах которого ты мне много раз рассказывал?

– Тот самый, Андрюша, тот самый, – доверительно улыбнулся Петр Михайлович.

– Вот здорово! И здесь повезло!

– Когда прибудешь на «Витязь», при случае не забудь передать ему привет от меня.

– Обязательно, папа!

Петр Михайлович встал.

– Пора, Андрюша, сообщить и маме о таком событии в твоей жизни. А то она волнуется от неизвестности, пока мы здесь беседуем с тобой.

Андрей вскочил со своего места, когда отец поднялся из кресла, зашепшил:

– Конечно, конечно, папа! Как ты думаешь, она не очень расстроится, узнав об этом?

– Такова уж, Андрюша, доля жен и матерей моряков – провожать своих мужчин в дальний поход. Ты только неправильно высказался – не расстроится, а разволнуется. Так будет правильнее определить состояние трепетной женской души, сынок.

Когда они вышли из кабинета, у Александры Васильевны отлегло от сердца – взволнованные, но улыбаются.

– Ну что ж, Александра Васильевна, собирай сына в кругосветное плавание! – с подъемом сообщил Петр Михайлович.

Александра Васильевна ахнула, прижав руки к груди, а Степан запрыгал от радости, с завистью и обожанием глядя на брата.

– И надолго, Андрюша? – только и смогла спросить она, потрясенная услышанной из уст супруга новостью.

Тот вопросительно посмотрел на отца.

– Года на три, не менее, – ответил за сына Петр Михайлович.

– О Господи! – чуть ли не простонала Александра Васильевна.

Младший сын напряженно взглянул на отца.

– Ну что же, Степан, ты тоже можешь поступить в Морской корпус. А там – посмотрим... – заметил Петр Михайлович, перехватив взгляд сына. – Или у тебя есть другое предложение?

– Никак нет, ваше превосходительство! – опять восторженно воскликнул Степан с радостными глазами. – Ведь я сын флотского офицера, а теперь уже и контр-адмирала! Как я понимаю, теперь главное – успешно сдать вступительные экзамены в Морской корпус.

– Правильно понимаешь, Степа, – отметил Петр Михайлович. – При этом надо иметь в виду, что вышло положение, согласно которому преимущество замещения казенных вакансий при поступлении в Морской корпус предоставляется детям военных чинов морского ведомства.

– Вот здорово! – восторженно воскликнул Степан. – Теперь-то уж точно буду принят в Морской корпус!

– А как твои пробелы в знаниях по арифметике? – усмехнулся отец.

Александра Васильевна тревожно глянула на сына.

А он преданно посмотрел на отца:

– Я уже ликвидировал их, папа, как и обещал тебе!

– Ну, ну... – покачал отец головой, видимо, до конца в этом не уверенный. – И готов доказать мне это?

– Да хоть сейчас, папа! – с готовностью ответил Степан.

Тот же только улыбнулся горячности сына.

– А зачем, по-твоему, это сделано, Петр Михайлович? – озадаченно спросила Александра Васильевна. – Я имею в виду изменения в правилах приема в Морской корпус, – пояснила она.

– Для закрепления флотских династий. Ведь давно известно, что именно в этих родовых династиях создаются устойчивые традиции безупречного служения Отечеству, которые затем передаются из поколения в поколение. Одним словом, флотские династии, если так можно выразиться, – золотой фонд русского флота!

Андрей и Степан многозначительно, с гордостью за отца и его предков, переглянулись.

– Прошу представителей флотской династии рода Шуваловых проследовать к столу! – торжественно провозгласила Александра Васильевна, с любовью и преданностью глядя на мужчин своей дружной семьи. – Я ведь тоже происхожу из не менее известной флотской династии, только рода Дементьевых.

Петр Михайлович обнял супругу:

– Ты, Александра Васильевна, по праву можешь гордиться родом Дементьевых. Только учитывай, что ты давно уже относишься к нашему роду. Мы с тобой можем гордиться нашими сыновьями!

Андрей и Степан преданно посмотрели на отца, а старший брат с затаенной улыбкой, скрывавшей явную заинтересованность, обратился к матери:

– А мы, мама, могли бы со Степой узнать причину, по которой ты не смогла отказать папе, когда он тебе сделал предложение? – И уточнил: – Если это, конечно, не секрет.

– А как же я могла, Андрюша, отказать статному флотскому офицеру с крестом Георгия на шее, с седой прядью в волосах, сделавшему мне, юной девушке, предложение выйти за него замуж?!

– Стало быть, не зря ты, папа, рисковал при спасении команды фрегата «Александр Невский», севшего на мель у датских берегов во время жестокого шторма? – лукаво спросил Андрей.

– Ох, не зря, сынок! – обнял тот гардемарина. – Но не приведи, Господи, и вам со Степой испытать то, что пришлось испытать мне...

У Александры Васильевны сжалось сердце от ужаса, охватывавшего ее каждый раз при упоминании о случае, произошедшем с ее супругом.

– Страшно было, папа? – сочувственно спросил Степан, с тревогой глянув на отца.

Тот утвердительно кивнул головой.

– Но не за себя, а за команду шлюпки, – уточнил он, – когда, заметив ужас в глазах матросов, обернулся и увидел огромную волну, нависшую и готовую вот-вот обрушиться на нас.

– Не будем мучить маму своими вопросами, ребята, – заключил Петр Михайлович, видя полубморочное состояние жены. – Договорились? – Те согласно закивали головами. – А после ужина предлагаю тебе, Александра Васильевна, заняться сбором вещей для Андрюши. – Она непонимающе, с явной растерянностью посмотрела на него, и он, поняв ее состояние, пояснил: – Андрюша переночует у нас, а завтра прямо с утра отправляется на корвет «Витязь», который стоит на Кронштадтском рейде.

Александра Васильевна беззащитно прижала кулачки к груди:

– И завтра же тот уходит в плавание?

– Нет, конечно. Мы будем провожать Андрюшу в Кронштадте.

Она облегченно вздохнула и уточнила:

– И мои родители тоже?

– Безусловно. – Александра Васильевна благодарно посмотрела на супруга. – А сейчас мы с ним, – продолжил Петр Михайлович, – уединимся в кабинете, где я дам ему наставления по ведению путевых заметок, а заодно и поведаю о некоторых таинствах корабельной жизни в дальнем походе.

– Папа, а можно мне тоже присутствовать при этом? – с тайной надеждой попросил Степан, умоляюще посмотрев на отца.

– Конечно, сынок. И тебе, как будущему мореплавателю, будет весьма полезно послушать это.

Степан зарделся от счастья и победоносно посмотрел на брата, словно бы говоря: «Вот так вот, Андрюша! Будет и на нашей улице праздник!»

* * *

31 августа 1886 года родные и близкие провожали моряков «Витязя» в кругосветное плавание.

– Какой красавец! – воскликнул Петр Михайлович, со знанием дела глядя на корвет с двумя чуть скошенными трубами, стоящий на якоре на Кронштадтском рейде. – Это тебе не «Аскольд» и даже не «Александр Невский». Да к тому же еще и с парусным вооружением.

– А как же, папа! – заметил Андрюша. – Ведь надо экономить уголь, ибо угольные магазины есть далеко не в каждом порту.

По набережной, заполненной членами команды «Витязя» и провожающими, отвечая на их приветствия, неторопливой уверенной походкой шел командир корвета.

– Да это же Степан Осипович! – радостно воскликнула Александра Васильевна. – Ну и повезло же тебе, Андрюша!

Она с упреком посмотрела на супруга:

– Что же ты, Петр Михайлович, не предупредил меня об этом?

– В соответствии с общепринятым этикетом самые приятные вещи оставляют на десерт. Разве не так, Александра Васильевна?

Подойдя к адмиралам, капитан 1-го ранга почтительно произнес:

– Разрешите, ваши превосходительства, присоединиться к вашей дружной компании?

– Отчего же так официально, Степан Осипович? – заметил Петр Михайлович, пожимая ему руку.

– Все очень просто. Если с вами, Петр Михайлович, у нас еще во время моей службы в Морском техническом комитете сложились довольно близкие отношения, то Василий Митрофанович был для меня очень и очень большим начальником. Ведь я тогда был всего-навсего лишь лейтенантом, – пояснил Макаров и крепко пожал руку, протянутую вице-адмиралом.

– Теперь я уже в отставке, Степан Осипович, – напомнил Василий Митрофанович, скосив свой взгляд на золотой погон отставного вице-адмирала с серебряными зигзагами по краям.

– Однако орлы на ваших погонах те же самые, – отметил капитан 1-го ранга.

Василий Митрофанович только вздохнул:

– Укатали Сивку крутые горки...

– Это они несколько скромничают! – не удержавшись, игриво заметила Ольга Петровна.

– Вы, Степан Осипович, – обратилась к нему Александра Васильевна, решив сменить несколько фривольную, по ее мнению, тему разговора для сыновей, – по возможности, уж приглядывайте, пожалуйста, за Андреем. Все-таки он на три года будет оторван от отчего дома.

Макаров внимательно посмотрел на нее.

– Военный корабль – это, Александра Васильевна, не Морской корпус. И все члены его команды независимо от их возраста и чина обязаны самым тщательным образом исполнять свои служебные обязанности. Потому-то в дальнем плавании, в преодолении его трудностей, и формируется стойкость характера и закаляется воля мореплавателей. И даже юнцы превращаются в настоящих мужчин.

Александра Васильевна почти с ужасом слушала его, и ее глаза непроизвольно наполнялись слезами. «Господи, да на какие же муки мы обретаем нашего Андриюшеньку, отправляя его в кругосветное плавание?!» – упорно стучало у нее в голове.

– А за сына, Александра Васильевна, не волнуйтесь, – продолжил Степан Осипович, заметив смятение на ее лице, – Андрей Петрович в особой опеке не нуждается. А теперь, дамы и господа, – обратился он к провожающим, – прошу извинить меня – дела. До встречи через три года!

– Семь футов под килем вам, Степан Осипович!

– Благодарю за пожелание, Петр Михайлович! Сразу же по моем прибытии на «Витязь» будет дан выстрел из орудия, призывающий команду к возвращению на корвет. Так что у вас будет еще минут пятнадцать – двадцать для прощания с Андреем Петровичем.

Капитан 1-го ранга приложил руку к козырьку фуражки и направился к командирскому катеру¹⁷, стоявшему у стенки¹⁸.

Александра Васильевна взглянула на корвет, стоящий на рейде, и ее глаза наполнились слезами...

* * *

Вот он, Атлантический океан! Андрей, стоя на полубаке¹⁹, полной грудью вдыхал морской воздух, пропитанный йодистыми океанскими испарениями. Кругом до самого горизонта простиралась бескрайняя водная гладь...

Еще совсем недавно вместе со своими сверстниками по Морскому корпусу он так мечтал по ночам, лежа в постели, увидеть этот бескрайний океанский простор! Ведь это же не акватория Финского залива, изобилующего многочисленными шхерами. И как было не забиться сердцу юного гардемарина при виде этого неповторимого зрелища наяву, а не во сне, открывшегося перед его глазами?!

– Переживаете, Андрей Петрович?

Вздвогнув от неожиданности, он обернулся и прямо-таки остолбенел – перед ним стоял не кто-нибудь, а сам командир «Витязя»!

– Так точно, Степан Осипович! – признался Андрей, помня о разрешении капитана 1-го ранга при его представлении командиру по прибытии на корвет, обращаться к нему по имени и отчеству в частных беседах.

– Знакомое чувство. Только с той лишь разницей, что я в свое время вот так же изумленно взирал на просторы не Атлантического, а Тихого океана. Хотя существенной разницы в этом не увидел. – Он с наслаждением втянул в себя морской воздух. – Хорошо-то как! Я прошу извинения, Андрей Петрович, что нарушил ваше уединение. Но когда с мостика увидел вас стоящим на полубаке, то на меня нахлынули воспоминания моей юности. И не смог отказать себе в желании поделиться ими с вами.

¹⁷ **Катер** – гребно-парусная военно-морская шлюпка среднего размера на 10–18 весел.

¹⁸ **Стенка** – стационарный причал. Сооружается в морских портах из железа, железобетона, камня или дерева для защиты от размывания берега набрежной волной и прибоем, а также для швартовки кораблей (судов).

¹⁹ **Полубак** – носовая надстройка любой высоты на баке (носовой части верхней палубы) корабля.

Андрей с изумлением слушал его. Ведь для него, шестнадцатилетнего юноши, командир – первый после Бога человек на корвете – был недостижимым морским авторитетом. Но, оказывается, он тоже начинал свою службу на кораблях с тех же самых ощущений. Невероятно! И он с благодарностью посмотрел на Макарова.

– Я весьма признателен вам, Степан Осипович, за то, что вы разделили мои восторги при виде этого неповторимого зрелища!

– Дай вам Бог сохранить эти первые впечатления на всю оставшуюся жизнь. Они воистину бесценны!

– Благодарю вас, Степан Осипович, за это пожелание!

– А я объявляю вам искреннюю благодарность за предложения, которые вы сделали после посещения нами Англии, по совершенствованию приборов для измерения плотности воды на различных глубинах.

– Служу Отечеству! – вытянулся в струнку гардемарин.

Подождал старший офицер.

– Степан Осипович, по сообщению Василия Александровича, давление воздуха быстро падает! – с тревогой в голосе доложил он.

– Чего же тут удивительного, Андрей Андреевич! Ведь мы подходим к Бискайскому заливу, а он, как известно, мореплавателей никогда особо не баловал хорошей погодой. Прикажите боцманской команде закрепить на верхней палубе все по-штормовому и натянуть штормовые леера!²⁰

– Будет исполнено, Степан Осипович! – заверил командира капитан 2-го ранга.

– Ну что же, Андрей Петрович, – обратился капитан 1-го ранга к гардемарину, – видать, пришла пора и вам испытать первый в вашей жизни настоящий шторм. Уж что-что, а бурю на море в Бискайском заливе я вам гарантирую!

Палуба под ногами то кренилась, словно пытаясь стряхнуть с себя моряков, то вздрагивала и замирала перед тем, чтобы снова провалиться в бездну. В иллюминаторе мелькали стремительно несущиеся тучи, а затем в его стекло упруго била набежавшая волна, и некоторое время через зеленоватую воду пробивался лишь призрачный дневной свет.

– Что это мы с тобой, Алеша, торчим в этой душной каюте? Давай выбираться на верхнюю палубу, на свежий воздух!

– Настолько свежий, что по всей верхней палубе гуляют пенящиеся верхушки волн, – усмехнулся тот.

– А мы, держась за штормовые леера, пробиремся на полуют²¹, где будет поспокойнее, – предложил Андрей.

Гардемарины поднялись по трапу, на который иногда густо сыпали брызги от разбивавшихся о комингс²² верхушек волн, разгуливающих по верхней палубе.

– Вот это да! – воскликнул Андрей при виде беснующихся огромных волн, вдоль которых тянулись шлейфы пены, срываемой ураганными порывами ветра с их верхушек.

Держась за штормовые леера, они довольно быстро продвинулись к трапу, ведущему на полуют, обдаваемые не только брызгами, но и потоками воды, когда корвет преодолевал очередную волну. Сюда же, на полуют, как и предполагал Андрей, брызги волн уже почти не долетали.

– Слава богу, что мы не на Балтике, – удовлетворенно заметил Алексей, смахивая с себя остатки брызг. Видя вопросительный взгляд друга, пояснил: – Потому и тепло.

²⁰ **Штормовые леера** – закрепленные с двух концов тросы, натягиваемые на верхней палубе перед штормом, держась за которые люди передвигаются по ней.

²¹ **Полуют** – возвышенная часть кормовой оконечности верхней палубы корабля.

²² **Комингс** – вертикальное ограждение люков и других вырезов в палубе корабля, предназначенное для защиты его внутренних помещений от попадания воды.

Андрей согласно кивнул и, глянув на мачты корвета, отметил:

– А мы идем под штормовыми парусами. Хотя и держим котлы под парами, – констатировал он, заметив слабые дымки, срываемые ветром с дымовых труб.

– А как же, Андрюша! Такие ураганные порывы ветра могут сорвать и штормовые паруса, хоть и сшитые из особо толстой парусины. А это приведет к тому, что корвет, потерявший ход, неизбежно развернет бортом к волне. Ты же прекрасно знаешь, к чему это может привести. – Алексей нервно передернул плечами. – Поэтому командир и держит котлы под парами, чтобы успеть вовремя дать ход судну.

В это время корвет, преодолев очередную волну, резко накренился, и они еле устояли на ногах, успев ухватиться за планширь²³ ограждения.

– Какими же знаниями и умением управлять корветом должен обладать его командир?! – почти с мистическим страхом воскликнул Андрей.

– Успокойся, Андрюша! – рассмеялся Алексей. – Не боги же горшки обжигают! Пройдет время, поднатаскают нас с тобой в дальних плаваниях и со временем мы поведем уже свои корабли по морям-океанам. Ведь все командиры начинали с того же, что и мы с тобой. Терпение, мой друг, и упорство в овладении морским искусством – вот все, что пока требуется от нас с тобой.

– Умом-то я это понимаю, Алеша. Но, глядя на кошмар, который творится вокруг нас, непроизвольно снимаю шляпу перед нашим командиром!

* * *

За кормой остались острова Зеленого Мыса, места последней остановки с авральной работой всей команды по погрузке угля, и переход экватора с «крещением» в морской купели моряков, впервые пересекающих его, и выдачей им именных грамот, свидетельствующих об этом важном событии в их флотской жизни. И конечно же праздничный обед в кают-компании²⁴ по этому случаю с тостами под шампанское.

По установившейся в российском военно-морском флоте традиции офицеры кораблей, совершающих кругосветные плавания, при заходе в Рио-де-Жанейро непременно посещали живописный водопад, находившийся в его окрестностях. Так было и на этот раз.

Вдоволь налюбовавшись этим чудом природы, Андрей с нетерпением принялся изучать надписи, нацарапанные на большом плоском камне, лежавшем на берегу у водопада. Надписей было множество, но и ему упорства было не занимать. Наконец он восторженно воскликнул:

– Смотри, Алеша! – и указал на надпись: «Шлюп “Восток” 1819».

А ниже ее второй по счету после надписи «Ф. Ф. Беллинсгаузен» было нацарапано: «А. П. Шувалов».

– Эта надпись сделана рукой моего прадеда! – пояснил сияющий Андрей. – Об этом написано во второй части его книги «Где же ты, Антарктида?», которую я читал еще в детстве. Кстати, обе эти книги находятся со мной здесь, на «Витязе».

Алексей восхищенно посмотрел на друга:

– Так это же памятник о твоём прадеде на века!

– Мало того, где-то здесь должна быть надпись, сделанная и моим отцом! Но, насколько я помню, ее надо искать вон на той каменной стене. Ведь к тому времени на этой плите свободного места уже не осталось.

– Ищите, Андрей Петрович, свидетельства пребывания здесь ваших предков?

²³ **Планширь** – самый верхний продольный брус на ограждениях судна на верхней палубе.

²⁴ **Кают-компания** – общее помещение на судне для командного состава, в котором собираются для обеда, отдыха, занятий, совещаний и т. п.

Гардемарины обернулись и вытянулись в струнку – перед ними стоял командир «Витязя»!

– Так точно, ваше высокоблагородие! – отчеканил Андрей.

– И каковы успехи?

– Вот надпись моего прадеда, сделанная его рукой, ваше высокоблагородие, – показал тот на каменную плиту. – А надпись моего отца надо искать вот на той каменной стене. Это я знаю уже по его рассказам.

– Тогда разрешите составить вам компанию?

– С превеликим удовольствием, ваше высокоблагородие! – радостно ответил Андрей.

– Не там ищите, господа гардемарины! Вот же она! – капитан 1-го ранга показал на надпись «Фрегат “Аскольд” 1858», под которой в самом конце надписей офицеров фрегата значилось «П. М. Чуркин».

– Как же вы так быстро нашли ее, ваше высокоблагородие? – искренне удивился Андрей.

– Потому как искать надо системно, то есть по годам, – наставительным тоном сказал командир, явно довольный произведенным на гардемаринов эффектом.

Они несколько сконфуженно переглянулись.

В это время к командиру подтянулись остальные офицеры корвета.

– Имена русских мореплавателей войдут в грядущие поколения, – с подъемом сказал Макаров, окинув взглядом длинный перечень имен на каменной стене. – На парусных кораблях совершали наши ученые моряки свои смелые путешествия и, пересекая океаны, отыскивали и изучали новые, еще неизвестные страны. Да послужат труды этих исследователей драгоценным заветом дедов своим внукам, да найдут в них грядущие поколения наших моряков пример служения науке и Отечеству! С этими словами я обращаюсь к вам, господа офицеры!

Те приняли положение «смирно», шелкнув каблуками.

– А теперь, господа, оставим и наши имена для истории. У кого есть что-либо подходящее для этого?

– Прошу вас, Степан Осипович! – поручик Розанов подал ему перочинный нож.

– Штурман – он и в Африке штурман, – улыбнулся тот, рассматривая нож. – Но, как мне помнится, вы, Василий Александрович, именно этим ножом затачиваете карандаши, являющиеся вашим орудием производства. Не так ли?

– Совершенно верно, Степан Осипович!

– Благодарю вас, Василий Александрович, не столько за нож, сколько за его будущее в качестве экспоната музея Адмиралтейского департамента.

Он повернулся к каменной стене и, найдя на ней свободное место, стал тщательно царапать ножом. Все присутствующие с замиранием сердца наблюдали за тем, как появлялась надпись: «Корвет “Витязь” 1886». Затем повернулся к офицерам и, по-мальчишески подмигнув им, вывел надпись «С. П. Макаров». Сделал шаг назад, прочитал ее и, удовлетворенный текстом, передал нож лейтенанту Браузеру:

– По установившейся традиции каждый офицер должен сделать собственноручную надпись своего имени.

Затем обратился к Андрею с Алексеем:

– Право начертать свои имена принадлежит и вам, господа гардемарины!

Глава II

К дальневосточным берегам

13 декабря 1886 года «Витязь» покинул гостеприимный Рио-де-Жанейро и при легком северо-восточном ветре пошел на юго-запад, к берегам Патагонии²⁵.

После обеда в кают-компанию неожиданно вошел командир. Старший офицер, являвшийся в соответствии с Морским уставом ее хозяином, подал команду:

– Господа офицеры!

Все встали со своих мест и приняли положение «смирно». Капитан 1-го ранга окинул их взглядом и подал ответную команду:

– Господа офицеры!

Офицеры сели на свои места и притихли в ожидании чего-то необычного. Появление командира в кают-компанию, который традиционно принимал пищу в своей каюте, – событие далеко не ординарное, которое, как правило, всегда было связано с какими-то важными обстоятельствами.

– Господа! – обратился командир к присутствующим в кают-компании. – Сейчас перед нами стоит задача перехода из Атлантического океана в Тихий. Как вы, конечно, знаете, до сих пор все суда многочисленных русских кругосветных экспедиций выход в Тихий океан осуществляли через пролив Дрейка, то есть огибая мыс Горн на южной оконечности Южной Америки. И хотя при этом они, как правило, сталкивались с ураганскими западными ветрами, которые значительно препятствовали их продвижению, тем не менее этот путь был более безопасен, чем через длинный и местами довольно узкий Магелланов пролив с не менее сильными ураганскими встречными ветрами в нем, имея свободу маневра.

Вспомните хотя бы лейтенанта Головнина²⁶, который отчаянно пытался в 1807 году на шлюпе «Диана» прорваться в Тихий океан, но вынужден был повернуть назад и идти в Русскую Америку уже через Атлантический, Индийский и Тихий океаны, – напомнил он.

Офицеры утвердительно закивали головами – об этом эпизоде они знали из курса лекций по истории военно-морского искусства в Морском корпусе.

– И вот теперь, – продолжил командир, – учитывая то обстоятельство, что «Витязь» оснащен мощной и надежной паровой машиной, я принял решение выйти в Тихий океан именно через Магелланов пролив.

Среди офицеров возникло движение. Они оживленно переглядывались, возбужденные этим решением командира. И это было понятно. Ведь им предстояло первыми в истории русского флота пройти этим опасным для судов проливом.

* * *

Наступило 11 января 1887 года. На мостике царило оживление. Здесь был уже весь старший командный состав корвета: командир, старший офицер, старший механик, старший штурман. Все эти люди, облаченные властью в соответствии с Морским уставом, находились в радостном ожидании выхода в Тихий океан из этого мрачного пролива, принесшего им столько забот и переживаний.

²⁵ **Патагония** – природная область в Юж. Америке на юге Аргентины. Название дано экспедицией Магеллана в 1520 году.

²⁶ **Головнин** Василий Михайлович (1776–1831) – русский мореплаватель, вице-адмирал, член-корреспондент Петербургской АН (1818). Окончил Морской корпус в 1792 году. Совершил два кругосветных плавания в качестве начальника экспедиций: в 1807–1809 году, на шлюпе «Диана» и в 1817–1819 гг. на шлюпе «Камчатка». С 1823 года генерал-интендант флота.

Поручик Розанов напряженно следил за движением корабля, и когда он пересек воображаемую линию, соединяющую западные оконечности двух последних островов Патагонского архипелага, взволнованно воскликнул:

– Господа! «Витязь» вышел в Тихий океан!

– Ура! – воскликнул командир.

– Ура! – подхватили в полную силу своих легких офицеры.

И их боевой клич был подхвачен всей командой, заполнившей верхнюю палубу, в виде громового троекратного «ура!!!».

На мостике все пожимали друг другу руки.

– Путь на Дальний Восток открыт, господа офицеры! Объявляю сей день праздничным днем! Разрешаю вам, Андрей Андреевич, подать господам офицерам в кают-компанию шампанское, а нижним чинам выдать по полкружки грога²⁷.

– Будет исполнено, Степан Осипович! – с готовностью заверил командира старший офицер к радости стоявших на мостике офицеров – командир предоставлял им, да и всей команде, возможность несколько расслабиться после столь трудных недель.

* * *

За кормой остались и чилийский порт Вальпараисо, в котором пополнили запасы продовольствия и устранили различные мелкие неисправности, и остров Нукагива в группе Маркизских островов, расположенных у самого экватора, где команда отдохнула и вдоволь полакомилась тропическими плодами, и Гавайские острова с их пышной растительностью.

И теперь вся команда с нетерпением ждала входа «Витязя» в обширный залив Петра Великого уже Японского моря на юге Уссурийского края, в котором по берегам бухты Золотой Рог раскинулся морской порт Владивосток, ставший к этому времени местом базирования морских сил Дальнего Востока.

Гардемарины стояли на полубаке, жадно вглядываясь в панораму, открывавшуюся по правому борту. У горизонта тянулась синеющая гористая береговая полоса земли.

– Вот она, Россия! – восторженно, но вполголоса, воскликнул Андрей, словно боясь спугнуть торжественную тишину. – Наконец-то добрались до нашего Дальнего Востока!

– До чего же необъятна Русская земля! – вторил ему Алексей. – Чтобы добраться до ее восточных окраин, пришлось почти год «топать», по выражению нашего командира, через моря-океаны...

– Да, – подтвердил Андрей. – А ведь совсем недавно она простиралась и на территорию другого континента – Северную Америку, – вздохнул он. – И мой прадед прожил в Русской Америке целых шестнадцать лет, почти непрерывно путешествуя с экспедициями по ее просторам.

– Недавняя продажа Аляски американцам – дело темное, – согласился Алексей. – Хотя, конечно, многого мы с тобой и не знаем.

Андрей согласно кивнул головой.

* * *

Тем временем корабли медленно приближались к берегам залива Петра Великого.

– Вот он, остров Аскольд! – взволнованно воскликнул Андрей, как будто увидел старого друга.

²⁷ Грог – напиток из рома или коньяка с кипятком и сахаром.

– Да, его действительно не спутаешь ни с каким другим островом, – подтвердил Алексей. Затем по левому борту потянулась цепочка островов, в конце которой приветливо подмигивал маяк.

– Вот обозначился и вход в пролив Босфор-Восточный, который ведет в обширную бухту Золотой Рог, закрытую от ветров со всех сторон. Идеальное место для базирования морских сил Дальнего Востока! – восторженно произнес Андрей.

– Ты выступаешь как гид перед благодарными экскурсантами, – рассмеялся Алексей.

– Извини, Алеша, за излишнюю эмоциональность. Но отец так много и подробно рассказывал мне об этих местах, что у меня такое впечатление, как будто я уже был здесь, и не один раз. А ведь отцу тогда было почти столько же лет, сколько сейчас нам с тобой. Видимо, юношеские впечатления очень живучи.

* * *

8 июня 1887 года «Витязь» отдал якорь в бухте Золотой Рог. Вся команда, свободная от вахты, была на верхней палубе. Моряки с надеждой ступить на землю после длительного перехода с интересом вглядывались в очертания Владивостока, раскинувшегося вдоль западного и северного берегов бухты. И не просто на землю, а на землю города, ставшего форпостом России на Тихом океане.

– Смотри, Андрюша, а дома-то по большей части каменные, прямо как в Петербурге! – удивлялся Алексей.

– А ведь прошло всего четверть века после основания здесь военного поста. И на тебе – вполне современный город! – вторил ему Андрей. – Отец говорил, что берега бухты Золотой Рог поросли густым лесом, за исключением разве что вон того мыса на внутренней стороне ее изгиба.

– Очень красивый, величественный скалистый мыс! – отметил Алексей.

– И знаешь, как он называется?! – с затаенной гордостью спросил Андрей. – Мысом Чуркина!

Алексей от неожиданности непонимающе уставился на него.

– Не в честь ли твоего отца?! – еще продолжал сомневаться он. Уж больно неправдоподобной выглядела для него эта новость.

– Именно так, Алеша!

Тот был сражен окончательно и бесповоротно.

– Но ведь твой отец был тогда всего лишь мичманом?! – как за соломинку уцепился он, потрясенный сообщением друга.

– Это так, Алеша. С этим предложением выступил сам командир фрегата «Аскольд» капитан 1-го ранга Унковский, а военный губернатор Восточной Сибири граф Муравьев-Амурский поддержал его предложение. Правда, оговорив при этом, что этот подарок надо считать авансом за будущие заслуги мичмана Чуркина перед Отечеством.

– Вот это да! – воскликнул Алексей. – Ты, Андрюша, можешь гордиться своим отцом! А бухта Золотой Рог и город Владивосток для тебя действительно стали родными. Пройдут века, а название этого мыса навсегда останется символом вашего славного рода!

– Спасибо тебе, Алеша, за эти слова! – признательно произнес Андрей. – Так может сказать только истинный друг!

– Наконец-то мы окончательно выяснили наши отношения! – рассмеялся он, обнимая Андрея.

* * *

В самом конце сентября во Владивосток прибыл новый командующий эскадрой вице-адмирал Шмидт.

И уже в середине ноября, незадолго до замерзания бухты Золотой Рог, «Витязь» отделился от эскадры, находившейся во Владивостоке, и, получив срочное задание, ушел в продолжительное и опасное в это время года плавание. Необходимо было, на случай «разрыва с морской державой», осмотреть малопосещаемые дальневосточные порты и выяснить возможность использования их в качестве стоянок для кораблей морских сил Дальнего Востока.

Перед выходом из Владивостока в северные воды Макаров вызвал в свою каюту гарде-маринов.

– Господа гардемарины! Я хотел бы обсудить с вами один интересующий меня вопрос. – Те насторожились, несколько удивленные формой обращения к ним командира. – Думаю, что он заинтересует вас гораздо больше, чем меня, – улыбнувшись, заметил капитан 1-го ранга.

Андрей с Алексеем многозначительно переглянулись, заинтригованные словами коман-дира.

– Вы уже более года находитесь в плавании, и, как мне кажется, пришло время приобщить вас к управлению корветом, – продолжил он.

Если бы рядом взорвался фугас, то это произвело бы на юношей меньший эффект, чем эти неожиданные слова командира.

– Во время пребывания здесь, во Владивостоке, и длительного обследования глубин и плотности воды в заливе Петра Великого я не имел возможности привлечь вас к решению этого вопроса ввиду вашей постоянной занятости в проводимых наблюдениях. Теперь же, во время похода «Витязя» на север, у вас будет гораздо больше свободного времени. А посему я и решил назначить вас дублерами вахтенных офицеров. Как вы относитесь к этому?

– Большое спасибо за доверие, ваше высокоблагородие! – за обоих ответил Андрей. – Мы, честно говоря, даже и не могли мечтать об этом.

Макаров слегка поморщился.

– Разрешаю вам обращаться ко мне по имени и отчеству. Вы же гардемарины и, почитай, без пяти минут офицеры. В частных с вами беседах, разумеется, – уточнил командир. – Тем более что у нас с вами, Андрей Петрович, уже существует договоренность по этому поводу.

Алексей ревниво глянул на друга.

– Так кого же из офицеров, господа гардемарины, вы хотели бы видеть в качестве своих инструкторов по совместным вахтам на мостике? – вернулся он к вопросу, ради которого и вызвал их в свою каюту.

Вопрос был настолько неожиданным, что они на несколько мгновений растерялись. Но вопрос был задан самим командиром, и, естественно, требовался быстрый и членораздель-ный ответ.

– Я бы предпочел нести совместные вахты с мичманом Небольсиным, Степан Осипо-вич, – ответил Андрей, видимо, успевший за эти мгновения просчитать возможные варианты.

Макаров удивленно приподнял брови:

– Вы что же, Андрей Петрович, на самом деле считаете его самым опытным вахтенным офицером?

– Обосную свой выбор, Степан Осипович. – Макаров с видимым интересом посмотрел на него: «Сказываются, стало быть, родовые корни», – с удовлетворением подумал он о сыне своего учителя. – Во-первых, несмотря на свою молодость, мичман Небольсин непре-рывно нес свои вахты в течение года на пути «Витязя» от Кронштадта до Владивостока. А это, с моей точки зрения, прекрасная школа. Во-вторых, он мой сосед по столу в кают-компа-

нии, и мы успели проникнуться взаимной симпатией друг к другу. И в-третьих, я буду избавлен от менторского тона своего наставника, который, вполне естественно, будет свысока относиться к юному гардемарину.

«Сразу видна отцовская школа, – еще раз удовлетворенно подумал Макаров. – Ответ четкий и действительно обоснованный».

– Ну что же, Андрей Петрович, будем считать, что вы вполне убедили меня, – согласился командир и посмотрел на Алексея: – А каковы ваши соображения?

– У меня в отличие от гардемарина Чуркина нет особых предпочтений. Моим соседом по кают-компании является младший штурман подпоручик Игумнов, а штурмана, как известно, обязанности вахтенных офицеров не исполняют. Поэтому я целиком полагаюсь на ваш выбор, Степан Осипович.

Было похоже, что Макаров ожидал именно такого ответа.

– В таком случае вашим наставником по совместным вахтам будет мичман Шаховской, Владимир Владимирович. Он так же, как и мичман Небольсин, не намного старше вас, но, ко всему прочему, еще и князь. Так что будете обучаться у его светлости и светским манерам поведения, – рассмеялся командир. – Одним словом, будете совмещать приятное с полезным. Вы, надеюсь, не будете против? – серьезным тоном спросил командир, испытующе посмотрев на гардемарина.

– Я весьма благодарен вам, Степан Осипович, за отеческую заботу.

Капитан 1-го ранга усмехнулся:

– Далеко не уставной ответ. – Алексей смущенно опустил глаза. – Но, учитывая мое разрешение обращаться вам ко мне по имени и отчеству, принимается.

И подвел итог:

– Старший офицер получит соответствующие указания, и с выходом «Витязя» из Владивостока приступайте к исполнению ваших дополнительных обязанностей.

– Есть! – дружно ответили гардемарины.

* * *

Небольсин предупредил Андрея о том, что их первая совместная вахта начнется в 16 часов.

Тем временем «Витязь», встав под паруса после выхода из пролива Босфор-Восточный, уже вышел из Уссурийского залива, и, обогнув остров Аскольд, лег курсом на восток, минуя заливы Стрелок, Восток и Америка, идя в виду берега, темневшегося у горизонта, к мысу Поворотному.

Сменив на мостике мичмана МаксUTOва, который пожелал им успешной вахты, приступили к управлению корветом.

– Подвахтенные, вниз! – отдал короткую команду Небольсин.

И под трели боцманских дудок раздался дружный перестук матросских каблуков по трапу, ведущему в кубрик²⁸.

Теперь они, точнее, мичман Небольсин целиком и полностью отвечал за безопасное плавание корабля.

Андрей осмотрелся. У штурвала застыл рулевой, слегка поворачивая его из стороны в сторону, удерживая корабль на заданном курсе, для чего периодически поглядывал на картушку компаса, сверяя его показания с приказом вахтенного офицера. У сигнальных фалов²⁹ напряженно вглядывался в окружающее пространство сигнальщик. От его острых глаз

²⁸ **Кубрик** – самая нижняя жилая палуба на судне. Ниже нее расположен трюм.

²⁹ **Сигнальные фалы** – снасти, служащие для подъема флагов или других сигналов.

не должна была укрыться никакая опасность, угрожающая безопасности плавания корабля. У трапа на мостик застыл вахтенный вестовой, готовый к немедленному выполнению приказа вахтенного офицера.

Небольсин подошел к переговорным трубам со штурманской рубкой и машинным отделением. Рядом находился и машинный телеграф³⁰. Это его рабочее место.

Он вынул пробку из переговорной трубы со штурманской рубкой и сильно дунул в нее. Где-то внизу раздался приглушенный свисток.

– Подпоручик Игумнов слушает вас! – донеслось из трубы.

– Семен Кондратьевич, не подскажите, когда будем у Поворотного?

– Одну минуту, Аркадий Константинович...

Через некоторое время из трубы глухо раздалось:

– Ориентировочно через три часа, если, конечно, ничего не случится непредвиденного.

– Принимается, Аркадий Константинович! Стало быть, как раз в вашу вахту и повернем на пролив Лаперуза³¹. Успехов вам!

– Спасибо на добром слове, Семен Кондратьевич!

Небольсин вставил пробку со свистком в переговорную трубу.

– Слышали, Андрей Петрович?

– Слышал, Аркадий Константинович.

– Ну что же. Будем ждать...

* * *

При подходе к мысу Поворотному на мостик поднялся командир.

– Господин капитан 1-го ранга! Ветер зюйд-ост³², умеренный! Корвет идет полный бакштаг³³ правого борта. Курс ост!³⁴ Скорость двенадцать узлов!³⁵ Вахтенная смена в полном составе! – доложил мичман Небольсин.

Макаров пожал ему руку, а затем и Андрею, испытующе посмотрев на него. Придирчивым взглядом окинул паруса.

– Как ваш напарник, Аркадий Константинович, освоился?

– Так точно, Степан Осипович!

– Добро! Пожалуй, подошло и время поворота – мыс Поворотный уже на траверзе³⁶ левого борта, – он кивнул в сторону хорошо видного с высоты мостика мыса. – Это вам, Андрей Петрович, не поворот на шестерке!³⁷ – усмехнулся командир, обратившись к гардемарину.

– Согласен с вами, ваше высокоблагородие! – улыбнулся тот. – Ведь здесь нет опасности переворота шлюпки при резкой переброске паруса с борта на борт при свежем ветре.

Лицо мичмана словно окаменело от показавшейся ему дерзости гардемарина. Однако командир вроде как и не заметил ее. Он только теперь уже откровенно улыбнулся.

– И вы готовы самостоятельно выполнить поворот?

– А что мне еще остается делать, ваше высокоблагородие? Назвался груздем – полезай в кузов...

³⁰ **Машинный телеграф** – механический или электромеханический прибор внутрисудовой связи, предназначенный для передачи приказаний в машинное отделение.

³¹ **Лаперуза** пролив – проход между о-вами Сахалин и Хоккайдо, соединяющий Японское и Охотское моря.

³² **Зюйд-ост** – юго-восток.

³³ **Бакштаг** – курс судна, когда ветер дует сзади и сбоку, причем от 135 до 180° – полный бакштаг.

³⁴ **Ост** – восток.

³⁵ **Узел** – мера скорости, равная количеству морских миль, проходимых судном в час. Морская миля равна 1852 м.

³⁶ **Траверз** – направление, перпендикулярное диаметральной плоскости судна.

³⁷ **Шестерка** – гребно-парусная военно-морская шлюпка среднего размера на 6 весел.

Вахтенный офицер слегка охнул.

– Ну что же, гардемарин, выполняйте поворот!

– Есть выполнить поворот! – без тени сомнения ответил тот.

Андрей вынул пробку из переговорной трубы со штурманской рубкой и дунул в нее.

– Подпоручик Игумнов слушает вас!

– Определите, Семен Кондратьевич, курс на остров Рисири³⁸.

– Норд-ост, – не задумываясь, ответил штурман, видимо, уже заранее определив его. – Это, случайно, не вы, Андрей Петрович? – с некоторым сомнением спросил он.

– Я, Семен Кондратьевич, – улыбнулся Андрей, а затем уже серьезно пояснил: – По приказу командира несу совместную вахту с мичманом Небольсиным.

– Рад за вас, Андрей Петрович, и успехов!

– Спасибо за доброе пожелание, Семен Кондратьевич!

Он воткнул пробку в переговорную трубу и громко, хорошо поставленным командным голосом подал команду:

– К повороту!

– Есть к повороту! – бодро ответил унтер-офицер вахтенной смены, хотя в его голосе чувствовалось некоторое смятение.

Почему это команду отдает гардемарин, а не вахтенный офицер?! Но приказ есть приказ, тем более что на мостике находится сам командир! А уж это старый служака знал совершенно точно.

– Поворот через фордевинд!³⁹

Раздались трели боцманской дудки, и матросы разбежались к фалам.

– Лево руля! Курс – норд-ост!

– Есть лево руля! Курс – норд-ост! – ответил рулевой.

После выполнения поворота чуть-чуть заполоскалась задняя шкаторина⁴⁰ фока⁴¹.

– Выбрать шкоты⁴² втугую! – тут же отдал команду Андрей и после ее выполнения все паруса послушно наполнились ветром.

– На румбе – норд-ост! – доложил рулевой.

– Так держать!

– Есть так держать!

И Андрей с радостью почувствовал, что будто гора свалилась с его плеч – неожиданное испытание выдержано.

– Господин капитан 1-го ранга, поворот выполнен! – доложил гардемарин, еле сдерживая бившую через край радость.

Командир почти торжественным голосом произнес:

– Если бы вы, Андрей Петрович, были офицером, то я бы непременно пригласил вас в свою каюту отметить бокалом шампанского впервые выполненный вами самостоятельный поворот на трехмачтовом корабле! Однако, увы... А посему предлагаю отложить эту процедуру до производства вас в мичманы. Возражения есть?

– Никак нет, ваше высокоблагородие! – просиял гардемарин.

– Во всяком случае, разрешаю вам, Андрей Петрович, теперь во всех случаях обращаться ко мне по имени и отчеству.

³⁸ **Рисири** – остров у северо-западного побережья японского острова Хоккайдо.

³⁹ **Поворот через фордевинд** – поворот парусного судна на другой галс по ветру, т. е. кормой против ветра.

⁴⁰ **Шкаторина** – кромка паруса.

⁴¹ **Фок** – нижний парус на фок-мачте, т. е. на первой от носа мачте судна.

⁴² **Шкоты** – снасти, служащие для управления парусами, т. е. постановки их в нужное положение относительно ветра.

– Есть обращаться к вам по имени и отчеству! – просиял он, будучи твердо уверен, что уже сегодня вся команда будет знать об этом – «матросский» телеграф работал без сбоев.

Макаров крепко пожал руку гардемарину, и, не удержавшись, обнял его. А затем произнес:

– Так держать!

– Есть так держать! – с повлажневшими от счастья глазами ответил Андрей на напутствие командира.

Вахтенный офицер стоял рядом, смущенно переступая с ноги на ногу...

* * *

После ужина в кают-компании, когда вестовые убрали посуду и столовые приборы, со своего места во главе стола поднялся старший офицер.

– Господа офицеры! Разрешите от имени нашего командира и от себя лично поздравить гардемарина Чуркина с первой совместной вахтой в качестве дублера мичмана Небольсина.

Андрей, смущенный словами старшего офицера, встал со своего места.

– Вы все, за исключением штурманов и механиков, безусловно, помните свои первые совместные вахты на мостике во время прохождения стажировки на кораблях после окончания Морского корпуса.

Строчные офицеры дружно закивали головами.

– Так вот представьте себе, – продолжил он, – что этот юный гардемарин во время первой совместной вахты самостоятельно в присутствии командира выполнил поворот через фордевинд, самый трудный, как вы знаете, поворот судна! И выполнил его достаточно успешно без чьей-либо помощи.

Раздались возгласы удивления и восхищения. Все повернули головы в сторону Андрея.

– А посему Степан Осипович просил передать вам, что он уверен в вашей дальнейшей успешной службе на флоте.

– Спасибо вам, ваше высокоблагородие, и их высокоблагородию господину командиру за добрые пожелания! – дрогнувшим голосом произнес Андрей.

– Так дело не пойдет! – с напускной строгостью сказал старший офицер. – С сегодняшнего дня разрешаю вам, господин гардемарин, обращаться ко мне и ко всем офицерам «Витязя» по имени и отчеству. Тем более что наш командир уже разрешил вам это делать по отношению к себе. Не так ли, Андрей Петрович?

– Так точно, Андрей Андреевич!

Офицеры многозначительно переглянулись.

– Что же касается гардемарина Черняховского, – тот встал со своего места, – то это же разрешение распространится и на него после того, как он самостоятельно выполнит поворот судна, – примирительно заключил старший офицер. – А вы, Владимир Владимирович, как его наставник, доложите мне об этом.

– Есть доложить, Андрей Андреевич! – встал мичман Шаховской.

На горизонте показалась заснеженная вершина пика острова Рисири. Его белоснежный конус увеличивался на глазах, как бы вырастая из воды. Впечатляющее зрелище!

Затем севернее показался и гористый остров Ребун. И «Витязь» взял курс на пролив между ними. Теперь он, идя под парусами, все чаще стал ложиться в дрейф для взятия проб воды и грунта.

Еще до прихода во Владивосток доктор Шидловский серьезно заболел, и Макаров был вынужден списать его на берег для отправки на лечение в Петербург. И теперь всеми гидрографическими работами стал руководить старший штурман поручик Розанов.

На переходе от мыса Поворотного до острова Рисире Андрей со своей группой регулярно, через каждые четыре часа, брал пробы воды батометром⁴³. Теперь же пришла очередь поработать и группе Алексея – глубины уже позволяли брать пробы грунта щипцами, одолженными у телеграфистов, которыми он был весьма доволен.

Взяв очередную пробу воды, Андрей поднялся на мостик.

– Прошу разрешения, Аркадий Константинович, продолжить совместную вахту!

– Добро, Андрей Петрович! Как успехи на гидрологическом фронте? – с долей ревности спросил тот, так как ему пока доверяли лишь замерять температуру воздуха во время его вахт.

– Нормальные, Аркадий Константинович, – улыбнулся Андрей, уловив нотки ревности в голосе своего наставника. – На ста метрах глубины температура, как и прежде, остается довольно низкой – около четырех градусов выше нуля по Цельсию.

– Ненамного отличается от температуры воздуха, – заметил мичман, похлопывая ладонями рук, одетых в перчатки. – Вы сейчас несколько разогрелись при работе на полуюте, а здесь, на мостике, обдуваемом насквозь всеми ветрами, очень холодно.

– Думаю, станет еще холоднее, когда подойдем к проливу Лаперуза.

– Живы будем – не помрем! – отшутился вахтенный офицер.

* * *

– Вот он каков, знаменитый Камень Опасности! – показал Алексей на не очень высокую одинокую скалу, окруженную небольшой группой голых, лишенных растительности камней, возвышавшуюся почти посередине пролива Лаперуза.

– Да уж, Алеша, примечательный островок! И не низок, не высок, – согласился Андрей, прибежавший к другу на полубак в перерыве между взятием проб воды. – В ясную погоду он весь на виду. А в частые туманы, характерные для этих мест? Поэтому во избежание столкновения с ним на кораблях выставались матросы, обязанностью которых было прислушиваться к реву сивучей⁴⁴, поселившихся на этих камнях.

– И сколько же кораблей мореходов покоится на морском дне подле него?

– Одному Богу известно, Алеша...

Алексей вздохнул и, подув на закороченные от холода пальцы, принялся разбирать содержимое щипцов, которые достали со дна пролива перед самым приходом Андрея на полубак. И он с интересом стал наблюдать за действиями Алексея.

Так называемые щипцы на самом деле представляли собой два полушария, соединенные пружинками. Когда лот⁴⁵ с этими щипцами достигал дна, те захватывали в себя окружающий их грунт, и полушария тут же смыкались. Просто и в то же время надежно.

– Смотри, Андрюша, грунт, как видишь, – ил, – сказал Алексей, разъединив полушария. – Однако обрати внимание вот на эти разноцветные живые организмы.

В серой массе придонного ила действительно шевелились какие-то разноцветные червячки.

– Вот только жаль, что после помещения их в формалин они обесцвечиваются, – сокрушался Алексей.

⁴³ **Батометр** – прибор, с помощью которого берутся для анализа пробы воды с различных глубин моря.

⁴⁴ **Сивучи** – водные млекопитающие семейства ушастых тюленей. Обитают по окраинам северной части Тихого океана. В водах Дальнего Востока встречаются от Японского моря до Берингова пролива.

⁴⁵ **Лот** – прибор для измерения глубины моря. На парусных судах применялись ручные лоты, состоящие из свинцовой гири и привязанной к ней веревки, называемой лотлинем.

– Не унывай! В Петербургской академии наук ученые разберутся, что к чему. – И Андрей заторопился: – Паруса поставлены в положение левёнтик⁴⁶, так что предстоит очередная остановка для взятия проб. Успехов тебе, Алеша!

– И тебе того же, Андрюша! – пожелал он, наблюдая, как друг легко сбегает по трапу с полубака.

* * *

– Прямо по курсу у горизонта – полоса тумана, ваше благородие! – доложил сигнальщик. Мичман Небольсин приложил к правому глазу зрительную трубу⁴⁷.

– Ну и глаза ж ты, Егоркин! Благодарю за службу!

– Рад стараться! – бодро ответил польщенный вниманием вахтенного офицера матрос.

– Только этого, Андрей Петрович, нам и не хватало! – сокрушенно вздохнул Небольсин. – Будем теперь блуждать в тумане, как слепые котята.

– Это же дальневосточные воды, Аркадий Константинович, и туманы здесь не редки даже в это время года.

– Так-то оно так... – снова вздохнул тот и, видимо, приняв решение, скомандовал: – Нестеренко, доложи старшему офицеру, что входим в полосу тумана!

– Есть! – с готовностью ответил вахтенный вестовой и метнулся с мостика выполнять приказ вахтенного офицера.

Старший офицер поднялся на мостик и взглянул в сторону приближающегося тумана.

– Ваши предложения, Аркадий Константинович?

– Думаю, что в тумане удобнее будет идти под парами. Ведь мы приближаемся к острову Тюлений⁴⁸. А в проливе, отделяющем его от полуострова Терпения, Степан Осипович как раз и хотел провести замеры течения ввиду его неопределенности.

– Правильно думаете, Аркадий Константинович. Действуйте!

Небольсин дал указание в машинное отделение поднять в котлах пары и предупредил штурманов о приближении тумана. На мостик сразу же поднялся младший штурман с секстаном⁴⁹, чтобы успеть уточнить местоположение корабля по еще видимому солнцу.

Когда машинисты доложили, что корвет находится под парами, мичман отдал команду:

– Взять паруса на гитовы!⁵⁰

Раздались трели боцманских дудок, и матросы вахтенной смены рассыпались по мачтам, подвязывая паруса к реям.

Затем он перевел стрелку машинного телеграфа в сектор «малый ход», и под кормой послушно забурился гребной винт.

– Штурман, каково расстояние до острова Тюлений? – спросил мичман в переговорную трубу.

– Около семи миль, Аркадий Константинович! – доложил младший штурман.

– Спасибо, Семен Кондратьевич!

И только после этого вахтенный офицер доложил старшему офицеру:

⁴⁶ **Левёнтик** – положение парусов, когда их плоскость находится на линии ветра; в таком состоянии паруса бездействуют, и судно не имеет хода.

⁴⁷ **Зрительная труба** – оптический прибор, дающий возможность ясно видеть одним глазом удаленные предметы. Современное название – подзорная труба.

⁴⁸ **Тюлений** остров – остров в Охотском море, расположенный в 20 км к югу от полуострова Терпения на восточном побережье о-ва Сахалин. Свое название получил за большое лежбище морских котиков, расположенное на нем.

⁴⁹ **Секстан** – угломерный инструмент, применяемый при наблюдении небесных светил для определения местонахождения судна.

⁵⁰ **Гитовы** – снасти, которыми убирают паруса; «взять на гитовы» – собрать или подобрать паруса, не убирая их полностью.

– Господин капитан 2-го ранга, корвет идет под парами малым ходом курсом норд-норд-ост! Примерно через час будет у острова Тюлений!

* * *

«Витязь» вошел в полосу тумана. Он был настолько густым, что не видно было не только полубака, но и еле угадывались очертания первой дымовой трубы, расположенной за мостиком. Андрей, конечно, знал из рассказов отца о губительных дальневосточных туманах. Сколько же они испортили крови русским мореходам за более чем столетие пребывания их в этих водах! Но только теперь смог в полной мере ощутить их воздействие на психику человека.

Избавиться от ощущения, что они на своем корвете как бы растворились в серой и бесплотной массе, окутавшей застывшую поверхность моря, было чрезвычайно трудно. Возникло сосущее под ложечкой ощущение, что они брошены и находятся одни во всем мире, и так будет продолжаться целую вечность. И только мерные «вздохи» машины, работавшей на малых оборотах гребного винта, да бурление воды под кормой свидетельствовали о реалиях существующего мира.

Но рядом находился опытный моряк, старший офицер. Теперь вся надежда на него, на его знания, опыт и умение.

Он же еще раз затребовал у штурмана данные о расстоянии до острова Тюлений и дал ему указание докладывать об изменении расстояния через каждые пять кабельтовых⁵¹. Затем приказал сделать замер глубины. Однако опущенный за борт лот так и не достиг дна при длине лотлиния в двести метров. Поэтому старший офицер приказал делать замеры глубины через каждые десять минут.

– Сейчас, Аркадий Константинович, подойдем к северо-западной оконечности острова и станем на якорь. Когда туман рассеется, приступим к определению направления и скорости течения в проливе между этим островом и полуостровом Терпения, – пояснил старший офицер.

– Глубина сто двадцать метров! – доложил матрос вахтенной смены, производивший замер глубины.

– Замерять глубину через каждую минуту! – приказал капитан 2-го ранга.

А по переговорной трубе младший штурман доложил:

– В соответствии с прокладкой курса корабля по счислению⁵² остров Тюлений находится в пяти кабельтовых по правому борту!

– Глубина двадцать пять метров! – тут же раздался тревожный голос матроса.

– Стоп машина! Полный назад! – приказал старший офицер.

Под кормой бешено забурила вода, однако машина корвета весом в три с половиной тысячи тонн продолжала по инерции двигаться вперед.

От удара все, кто находился на мостике, подались вперед и ухватились за планширь его ограждения. Скрип металла корпуса корабля о грунт резанул души моряков. Затем все стихло, и только гребной винт под кормой продолжал натуженно бурлить воду, тщетно пытаясь стащить корабль задним ходом на чистую воду.

– Приехали! – подавленно произнес старший офицер, а затем вложил всю свою истерзанную несчастьем душу в витиеватую тираду из ненормативной флотской лексики.

– Стоп машина! – приказал он, облегчив душу. – Даже она не может сейчас выручить нас...

⁵¹ **Кабельтов** – морская мера длины, равная 1/10 морской мили, или 185,2 м.

⁵² **Счисление** – определение места корабля без навигационных и астрономических определений.

На верхнюю палубу, слегка наклоненную в сторону кормы, высыпала вся команда. Слышались тревожные приглушенные голоса.

– Боцман, проверить на течь форпик⁵³ и носовую часть трюма! – приказал старший офицер.

– Есть! – с готовностью ответил старый служака, и Андрею послышалась радость в его голосе: порядок есть порядок!

– Вестовой, доложите командиру о посадке на мель!

– Отставить! – совсем рядом послышался голос командира. – Я уже здесь, Андрей Андреевич!

Старший офицер, отведя командира в сторонку, кратко доложил о случившемся и в заключение попросил: – Вахтенного офицера, Степан Осипович, прошу не винить. Это моя вина. Я и буду отвечать за посадку корвета на мель!

– Что вы заладили, Андрей Андреевич, моя вина, моя вина... Неужели вам, старшему офицеру, надо объяснять, что за все, что произошло с кораблем, отвечает только его командир. – Капитан 2-го ранга, тяжело вздохнув, смущенно опустил глаза. – Вот так-то, Андрей Андреевич... А сейчас надо снимать корвет с мели. Это самое главное. А с причиной его посадки будем разбираться, когда рассеется туман.

Он взял рупор и подошел к краю мостика:

– Гардемарин Черняховский, взять пробу грунта!

– Есть взять пробу грунта! – тут же ответил тот и, скомандовав: – Группа, за мной! – устремился на полубак.

Засвистел свисток пробки переговорной трубы из машинного отделения. Вахтенный офицер вынул ее и приложил ухо к раструбу трубы.

– Степан Осипович, старший механик сообщил, что паровая машина и котлы от удара не сдвинулись и находятся на своих местах! – доложил сияющий мичман.

– Спасибо, Аркадий Константинович, за первую радостную весть! – ответил тот, а старший офицер истово перекрестился.

С полубака раздался восторженный голос гардемарина Черняховского:

– Грунт – песок, ваше высокоблагородие!

Это была вторая радостная весть. А когда боцман доложил, что в подпалубных помещениях течи нет, Макаров, потирая руки, впервые улыбнулся.

– Ну что же, будем снимать корвет с мели двойной тягой. Распорядитесь, Андрей Андреевич, завезти с кормы верп⁵⁴.

– Будет исполнено, Степан Осипович! – с готовностью ответил старший офицер. – Разрешите покинуть мостик?

– Добро, Андрей Андреевич!

На полуюте по-хозяйски распоряжался старший офицер:

– Спустить баркас на воду! Лейтенант Браузер – на руль!

Заскрипели блоки шлюпбалок⁵⁵.

– Боцманской команде подать в баркас верп!

Затем послышались всплески весел баркаса, отваливающего от борта корвета. И потянулись томительные минуты ожидания... Наконец поступил доклад лейтенанта из вернувшегося баркаса:

– Господин капитан 2-го ранга, верп завезен за корму корвета!

⁵³ **Форпик** – носовой отсек на судах, расположенный непосредственно у форштевня.

⁵⁴ **Верп** – вспомогательный якорь на судне, который завозят на шлюпке для стягивания судна с мели, для перетягивания судна на другое место и пр.

⁵⁵ **Шлюпбалки** – изогнутой формы железные балки, служащие для подъема на судно и спуска на воду шлюпок.

– Поднять баркас на борт! – приказал старший офицер.

И после того, как этот приказ был выполнен, с мостика раздался голос командира, усиленный рупором:

– Всей команде переместиться на корму!

Надо было приподнять, насколько возможно, нос корвета. А три с половиной сотни моряков – это около тридцати тонн веса.

Когда дружный топот матросов, перебегающих на корму, стих, с мостика последовала очередная команда:

– Пошел брашпиль!⁵⁶

Трос, идущий от верпа, стал наматываться на барабан, и когда он натянулся в струну, по команде командира вахтенный офицер передвинул ручку машинного телеграфа на сектор «полный назад». Под кормой натуженно забурлил гребной винт.

Корпус корвета задрожал. «Давай, давай!» – мысленно умоляли моряки свой корабль. И тот, как будто отвечая на их мольбы, еще раз вздрогнул и стал медленно сползать с мели.

Громовое «ура!» потрясло воздух над верхней палубой. Матросы обнимались, поздравляя друг друга с победой над стихией.

А через некоторое время, когда корвет, чуть покачиваясь, вышел на чистую воду, командир приказал отдать носовой якорь. На баке загремела якорная цепь.

– Стоп машина! Стоп брашпиль! – скомандовал командир.

На мостик, запыхавшись, взбежал старший офицер с сияющими от радости глазами.

– Поздравляю, Степан Осипович! «Витязь» на чистой воде!

– И вас, Андрей Андреевич, поздравляю! Теперь будем ждать, когда рассеется туман. И распорядитесь сменить вахтенную смену – люди устали и морально, и физически.

* * *

В течение нескольких дней самым тщательным образом проводили гидрологическое обследование пролива между островом Тюленьим и полуостровом Терпения.

– То, что и требовалось доказать! – удовлетворенно воскликнул Макаров, когда были подведены результаты обследования.

Оказалось, что скорость течения из залива Терпения в Охотское море достигала четырнадцати узлов! Это, разумеется, в центре пролива. А в том месте, где «Витязь» сел на песчаную косу, оно составляло от трех до четырех узлов.

– А ларчик-то просто открывался, Андрей Андреевич! А вы все твердили: «Я виноват, я виноват...» В борьбе со стихиями природы мы пока, к сожалению, бессильны. Еще хорошо, что не сели на каменные рифы, как броненосная канонерская лодка «Русалка» в шхерах Финского залива, на которой мне довелось тогда служить еще мичманом.

– Надо было мне сразу же отдать якорь еще на глубине ста двадцати метров, – вздохнул, терзаясь своей оплошностью, старший офицер.

– Все мы, русские, сильны задним умом, – рассмеялся командир. – Однако как учит народная мудрость, все хорошо, что хорошо кончается.

– Выходит, что так, Степан Осипович, – согласился старший офицер, признательно глянув на своего командира.

⁵⁶ Брашпиль – ручная, паровая или электрическая лебедка для выбирания якоря на судне.

* * *

Правильно говорят в народе: пришла беда – отворяй ворота. Через сутки после окончания жестокого шторма море опять вздыбилось. Опять гигантские волны трепали «Витязь», а ураганные порывы ветра рвали и срывали штормовые паруса, сшитые из особо прочной парусины. И когда эти порывы ветра не могли сорвать штормовой парус, то гнули вначале концы рей, а затем и сами рей, делая их непригодными для постановки парусов.

Когда закончилось и это буйство природы, «Витязь» мог идти лишь под частью своих многочисленных парусов.

После обеда в кают-компанию зашел командир. Это было во второй раз после ее посещения командиром перед заходом в Магелланов пролив. Следовательно, предстоял очередной серьезный разговор.

– Господа офицеры! – обратился он к присутствующим. – В результате двух жестоких штормов корвет может идти теперь только под частью парусов со скоростью три-четыре узла, что, как вы понимаете, неприемлемо. Идти же только под парами мы не сможем ввиду ограниченного запаса угля.

Офицеры напряженно слушали командира, ожидая его решения.

– По этим причинам я принял решение возвратиться. – По кают-компанию пронесся вздох облегчения. – Однако вернуться во Владивосток мы уже не сможем, ибо как пролив Босфор-Восточный, так и бухта Золотой Рог уже будут скованы льдом. И посему они непреодолимы для «Витязя». Поэтому пойдем в Иокогаму, где есть необходимая ремонтная база, прекрасный угольный магазин и к тому же гораздо теплее. Переход будем осуществлять под парами, так как, по мнению Ивана Кузьмича, запаса имеющегося угля будет для этого вполне достаточно.

Старший механик утвердительно кивнул.

– Устранив неисправности рангоута⁵⁷, наполнив угольные ямы кардифом⁵⁸, уже в марте покинем Иокогаму и, проведя тщательное гидрологическое обследование Сангарского пролива с непредсказуемыми течениями в нем, придем во Владивосток, когда его гавань уже освободится ото льда. Есть вопросы, господа офицеры?

Макаров долгим взглядом обвел своих спутников.

– Вопросов нет, – констатировал командир. – А посему, Андрей Андреевич, разворачивайте «Витязь» курсом на Иокогаму.

Друзья вернулись в каюту.

– Вот так, Андрюша, откладывается мой самостоятельный поворот под парусами до весны, – удрученно сказал Алексей, – а вместе с ним и мой переход в так называемую «касту избранных».

– Выходит, что так, Алеша. Но ты особенно не унывай. Как только по весне выйдем из Иокогамы, так сразу же выполняй свой первый самостоятельный поворот. А я за это время подготовлю тебя теоретически – комар носа не подточит.

– Спасибо, Андрюша! Ты настоящий друг!

В это время с мостика прозвучала команда:

– К повороту!

⁵⁷ **Рангоут** – совокупность круглых деревянных или стальных частей оснащения судна, предназначенных для постановки парусов, сигнализации и пр.

⁵⁸ **Кардиф** – высококачественный бункерный уголь, добываемый в английском графстве Кардифф, которому отдавали предпочтение все морские державы.

«Витязь» совершал последний поворот под парусами, ложась курсом на японский порт Иокогаму.

* * *

15 июля 1888 года «Витязь» вновь покинул Владивосток, но уже под флагом командующего эскадрой вице-адмирала Шмидта. Он должен был посетить японский порт Хакодате у выхода из Сангарского пролива в Тихий океан, Петропавловскую гавань на Камчатке, Командорские острова, а затем все порты Татарского пролива как на западном побережье Сахалина, так и на восточном побережье Уссурийского края.

8 октября «Витязь» вернулся во Владивосток. А уже в конце октября командир после обеда зашел в кают-компанию.

– Господа офицеры! Вскоре, как вы, конечно, знаете, бухта Золотой Рог и пролив Босфор-Восточный покроются льдом, непреодолимым для судов. Поэтому мы, выполнив свои задачи, покидаем Владивосток и направляемся в Кронштадт.

Присутствовавшие в кают-компании оживленно и радостно переглянулись. Их можно было понять – наконец-то они возвращаются домой, к своим родным и любимым после двух лет скитаний в морях и океанах в штормах и туманах!

Командир понимал состояние своих подчиненных, поэтому, сделав паузу, предупредил:

– Возвращение будет не просто плаванием в его конечный пункт, Кронштадт, через Суэцкий канал. Необходимо будет по всему маршруту корвета провести регулярные гидрологические наблюдения. Особая же задача – проверить гипотезу о существовании теплого течения из Красного моря в Индийский океан. А посему это плавание не будет прогулкой. На самом деле, это будет напряженный труд, и я, ваш командир, прошу всех господ офицеров и гардемаринов отнестись к этому с пониманием, проявив при этом рвение, на которое очень рассчитываю.

– Ну что, Андрюша, идем домой? – возбужденно воскликнул Алексей, когда они вернулись в свою каюту.

– Именно так! – в тон другу ответил тот. – Странно все-таки устроен человек. Ты не находишь, Алеша? То мы радовались, когда уходили в кругосветное плавание, теперь же не менее радуемся тому, что возвращаемся из него.

Тот рассмеялся:

– Все правильно, Андрюша! Счастье любого человека, а моряка тем более, в том, что у него есть дом, в котором его любят и непременно ждут. Лиши этого человека, и он станет лишь бродягой без рода и племени. А это так страшно...

Андрей обнял друга.

– Слава богу, что сия чаша нас миновала. А посему – домой, где нас с тобой и любят, и ждут!

27 октября «Витязь», снявшись с якоря, окутался дымом прощального салюта, а батарея на Тигровой сопке⁵⁹ пушечными залпами ответила ему. Прощай, Владивосток!

А 20 мая 1889 года корвет под приветственный гром пушек бастионов морской крепости отдал якорь на Кронштадтском рейде.

⁵⁹ **Тигровая** сопка – названа так потому, что после основания военного поста Владивосток в 1860 году на батарее, оборудованной на ней, тигр напал на часового и утащил его в лесные дебри.

* * *

Сколько стран и морей, сколько разных климатических поясов и районов были объектом наблюдений и изучения командира «Витязя» и его помощников! И ни одно из этих наблюдений не пропало. Все они были тщательно проанализированы и составили содержание капитального труда «"Витязь" и Тихий океан».

На публичном заседании Петербургской академии наук труд Макарова был удостоен премии митрополита Макария, а Русское Географическое общество присудило автору золотую медаль.

Работы Макарова обрели и международную известность – на фронте всемирно известного Океанографического музея в Монако среди названий десяти кораблей, внесших наиболее весомый вклад в изучение Мирового океана, можно увидеть и название русского корвета «Витязь».

Глава III

Даеть миноносцы!

Петру Михайловичу доложили о возвращении «Витязя», и он, как только выдалось более или менее свободное время от исполнения служебных обязанностей, сразу же отправился в Кронштадт для встречи с его командиром и сыном.

Уж так устроена корабельная жизнь. Не успел Петр Михайлович сесть в дежурный катер «Витязя», стоявший у причала Кронштадтского рейда, как вахтенный вестовой по приказу дежурного офицера уже бежал к капитанской каюте предупредить командира о визите высокого гостя – ничто, происходящее на рейде, не должно ускользнуть от зорких глаз бдительных сигнальщиков.

И как только нога контр-адмирала ступила на первую ступеньку парадного трапа, тут же раздалась команда дежурного офицера:

– Смирно!

Петр Михайлович довольно легко – сказывалась долголетняя привычка службы на кораблях – поднялся по трапу на борт корвета, отдав честь Андреевскому флагу, слабо колыхавшемуся на кормовом флагштоке.

– Господин контр-адмирал, дежурный офицер мичман Мечников! – представился тот.

– Вольно!

– Вольно! – продублировал команду контр-адмирала дежурный офицер и сделал шаг в сторону с поворотом.

– Приветствую вас, ваше превосходительство, на борту корвета «Витязь»! – только уголками губ улыбнулся командир, встречавший контр-адмирала у трапа. – Не соизволите ли пройти в капитанскую каюту?

– С превеликим удовольствием, господин капитан первого ранга!

Все полагающиеся в соответствии с Морским уставом требования были соблюдены, и они не спеша направились в капитанскую каюту.

– Рад видеть вас, Петр Михайлович, на борту вверенного мне корвета! – крепко пожал руку контр-адмирала капитан 1-го ранга, прикрыв дверь своей каюты.

– Соответственно, Степан Осипович! И поздравляю вас с благополучным возвращением в Кронштадт из кругосветного плавания!

– Благодарю за поздравление! Недаром же народная мудрость гласит, что как ни хорошо в гостях, а дома все-таки лучше.

Они прошли к письменному столу хозяина каюты и сели в кресла, испытующе поглядывая друг на друга.

– Как вы, Степан Осипович, в общих чертах, конечно, оцениваете результаты вашего кругосветного плавания?

– Сугубо положительно, Петр Михайлович, – не задумываясь, ответил тот. – В активе – прохождение Магеллановым проливом из Атлантического океана в Тихий.

– Вот это новость! – радостно воскликнул Петр Михайлович. – Ведь таким образом «Витязь» стал первым российским судном, прошедшим этим проливом! И каковы ваши впечатления о нем? – заинтересованно спросил он.

– Это мрачный пролив со сложным фарватером и порывами ураганного западного ветра. Мы провели его комплексное гидрологическое обследование, по результатам которого я сделал следующий вывод: российским судам все-таки предпочтительнее выходить из одного океана в другой вокруг печально известного мыса Горн, несмотря на господствующие там те же ураганные западные ветры. Ведь в проливе Дрейка существует свободное пространство для манев-

рирования, в то время как в Магеллановом проливе те же порывы ураганного ветра приходится преодолевать в условиях крайне стесненного и извилистого фарватера.

Контр-адмирал задумался.

– На основании этого вывода теперь наших капитанов судов и командиров кораблей, похоже, пряниками не заманишь в Магелланов пролив, – предположил он. – Даже несмотря на то, что это более короткий путь для перехода из океана в океан.

– Выходит, что так, Петр Михайлович, – согласился Макаров.

Помолчали.

– Кроме того, – продолжил командир «Витязя», – нашей экспедицией открыты холодное Камчатское течение, идущее из Берингова пролива на юг вдоль побережья Камчатки, и холодное Приморское течение, направленное из пролива Невельского на юг вдоль побережья Уссурийского края. Кроме того, проведено гидрологическое обследование Сангарского пролива с капризными течениями в нем. А также подтверждено наличие теплого течения в Красном море из Средиземного моря через Суэцкий канал в Индийский океан.

– Другими словами, сделаны значительные гидрологические открытия в Мировом океане. Поздравляю вас, Степан Осипович, с вашим выдающимся вкладом в науку о Мировом океане! – с чувством произнес Петр Михайлович и крепко пожал руку ученому. – Каковы теперь ваши планы на будущее? В соответствии со сложившейся в российском флоте традицией вам и всем вашим офицерам по завершении кругосветного плавания предстоит повышение в чинах. Стало быть, готовьтесь, Степан Осипович, надеть золотые погоны с орлами!

– Тьфу, тьфу, тьфу! – суеверно сплюнул через левое плечо Макаров. – Мне еще только предстоит аудиенция у государя-императора...

Контр-адмирал откровенно рассмеялся:

– Зря подстраховываетесь, Степан Осипович. Неужели вы забыли о нашем разговоре перед вашим отправлением в кругосветное плавание? А я еще тогда предрекал вам черные орлы на ваши погоны. Или вы и впрямь уже успели разувериться в моих способностях предвидения хотя бы ближайшего будущего?

– Извините, Петр Михайлович, меня ради бога за мои предрассудки! Я все-таки моряк, как и вы. Но, согласитесь, что тогда ваши предположения носили несколько абстрактный характер, в то время как сейчас они приобрели уже черты реальности.

– Не извиняйтесь, Степан Осипович, и считайте, что адмиральские орлы уже на ваших плечах!

– Дай-то Бог, Петр Михайлович... Будем считать, что этот весьма щекотливый для меня вопрос вы уже благополучно решили. А теперь о моих планах на будущее, – Макаров задумался. – Во-первых, надо, как я уже сказал, обработать обширный материал, полученный во время нашей экспедиции, а затем его результаты издать отдельной книгой под условным названием «“Витязь” и Тихий океан». Во-вторых, конкретно приступить к реализации идеи по постройке мощного ледокола, способного преодолевать тяжелые арктические льды, о чем мы с вами говорили более десяти лет тому назад. Тем более, что находясь во Владивостоке, я убедился в настоящей необходимости для флота иметь суда ледокольного типа. Ведь при их наличии Владивосток станет главной базой морских сил Дальнего Востока с круглогодичной навигацией.

При этом обязан упомянуть и о вашем пророчестве, что для реализации этой идеи потребуется довольно значительное время.

Контр-адмирал добродушно рассмеялся:

– Ну вот, Степан Осипович, а вы уже было засомневались в моих способностях.

– Ни в коем случае, Петр Михайлович! Тем более что я хотел бы попросить вас как товарища председателя Морского технического комитета о содействии мне при создании ледокола.

– Какие вопросы, Степан Осипович?! Считайте, как и ранее, меня своим надежным союзником.

– Благодарю вас, Петр Михайлович! Теперь я уверен, что идея создания мощного ледокола будет непременно реализована.

Контр-адмирал задумался.

– Все это дела творческие. Но вас, как мне представляется, после производства в контр-адмиралы непременно назначат младшим флагманом, вероятнее всего, Балтийского флота. В связи с этим у меня к вам, Степан Осипович, есть просьба личного характера.

– Я весь внимание, Петр Михайлович!

Тот смущенно прокашлялся.

– Я имею в виду своего сына Андрея, которого вы в свое время сосватали в кругосветное плавание.

Макаров облегченно откинулся на спинку кресла.

– Какие вопросы, Петр Михайлович?! За своего сына вы можете абсолютно не беспокоиться. Это очень способный и талантливый будущий мореплаватель.

Контр-адмирал напрягся:

– Вы, Степан Осипович, не слишком ли пристрастно относитесь к Андрею?

– Отнюдь, Петр Михайлович! Судите сами. Андрей Петрович в течение трех лет безупречно исполнял обязанности начальника группы по измерению плотности воды и ее температуры на различных глубинах, внеся при этом ряд предложений, позволивших существенно улучшить процесс взятия проб воды. Это первое. А теперь второе. Представьте себе, что юный гардемарин, впервые несший совместную вахту в качестве дублера вахтенного офицера трехмачтового корабля, сумел самостоятельно в моем, заметьте, присутствии успешно выполнить поворот через фордевинд!

Контр-адмирал, напряженно слушавший командира, при последних словах вынул из кармана сюртука носовой платок и промокнул им выступившую на лбу испарину.

– А вы, Петр Михайлович, упрекаете меня в том, что я слишком пристрастен в оценке качеств вашего сына!

– Не скрою, что мне чрезвычайно приятно, а главное, важно, услышать столь лестный отзыв командира корвета, на котором в течение трех лет в условиях кругосветного плавания проходил службу мой сын, об его успехах, – смущенно заметил контр-адмирал.

– Со всей ответственностью утверждаю, что уже сейчас Андрей Петрович – готовый вахтенный офицер с блестящей перспективой флотской службы. Поэтому я непременно буду и в дальнейшем не выпускать его из своего поля зрения, отслеживая прохождение им дальнейшей службы на флоте. Кстати, – хитровато улыбнулся Макаров, – каким именно классам кораблей вы, Петр Михайлович, отдаете предпочтение для дальнейшего прохождения службы вашим сыном?

– Мой ответ кроется в вашей улыбке, Степан Осипович. Мы с вами еще полтора десятка лет тому назад занимались созданием миноносных кораблей, предвидя их массовое применение в будущих войнах на море. И в Русско-турецкой войне вы блестяще подтвердили это. И уже сейчас на флот поступило несколько миноносцев типа «Або», построенных в Германии. Но, должен сообщить вам, что это только начало – принята программа строительства десятков мореходных миноносцев, способных вести боевые действия как самостоятельно, так и в составе эскадр.

Глаза Макарова заблестели:

– Так это же, Петр Михайлович, по существу, программа строительства миноносного флота!

– Согласен с вами, Степан Осипович. Уверен, что существующая тенденция строительства миноносцев будет иметь продолжение и в дальнейшем. Ведь этим перспективным клас-

сом кораблей уже сейчас вполне серьезно интересуются англичане, германцы и даже японцы. Вот мой ответ на ваш вопрос.

– Итак, миноносцы! Я, честно говоря, завидую Андрею Петровичу. Какие перспективы открываются перед ним! Смеею предположить, что и другие морские державы, как следует из ваших слов, не останутся в стороне от этого многообещающего процесса. Не так ли, Петр Михайлович?

– Вы правы, Степан Осипович. Во всяком случае, как мне известно, англичане прикладывают серьезные усилия в этом направлении. И, что не менее интересно, Япония после так называемого «обновления Мейдзи»⁶⁰ в 1868 году встала на путь реорганизации своих вооруженных сил, в том числе и флота, по европейским образцам. Так, например, программой, принятой ей только в этом году, предусматривается строительство не только двадцати пяти крейсеров и канонерских лодок, но также и тридцати миноносцев.

– Вот это действительно новость! Я, можно сказать, только что оттуда. И, конечно, слышал, что японцы с помощью французских специалистов оборудовали адмиралтейство в Йокосуке. Но никак не мог предположить, что они смогут принять такую большую судостроительную программу, – растерянно отреагировал Макаров.

– Не расстраивайтесь, Степан Осипович. Японцы будут в основном заказывать корабли за границей – в Англии и Франции.

Тот задумчиво покачал головой:

– Сдается мне, что со временем нас ожидают большие неприятности на Дальнем Востоке.

– Вы не слишком сгущаете краски, Степан Осипович?

– Ни в коем случае, Петр Михайлович! Окрепнув и развив свое промышленное производство, Япония непременно обратит свои взоры на Корею и Китай. Я имею в виду Маньчжурию, – уточнил он. – Да и на наши дальневосточные земли тоже. Одним словом, тесновато станет японцам на их островах.

– Вы в этом уверены? – озабоченно спросил Чуркин.

– Абсолютно! Видимо, придется мне снова побывать на Дальнем Востоке, но уже, как понимаете, совсем с другой миссией. Вот такие дела, Петр Михайлович... – и задумчиво расправил свою уже значительно отросшую бороду.

Они замолчали, обдумывая состоявшийся между ними столь важный обмен мнениями.

Молчание нарушил капитан 1-го ранга:

– Мы с вами, Петр Михайлович, вроде бы определились с ближайшим будущим вашего сына?

Тот утвердительно кивнул головой.

– А теперь, Петр Михайлович, мне кажется, пришло время увидеться вам с сыном. Не так ли? – улыбнулся Макаров.

– Буду признателен за такую возможность.

Командир позвонил в колокольчик.

– Гардемарина Чуркина ко мне! – приказал он появившемуся в дверях вестовому.

* * *

В дверь каюты постучали.

– Входите! – разрешил командир.

⁶⁰ **Обновление Мейдзи** – реставрация в Японии власти императора (микадо) в 1868 г., после чего новое правительство направило свои реформы на ликвидацию феодальных отношений, т. е. был осуществлен переход от феодального государства к буржуазному.

На пороге появился Андрей. Однако, увидев в капитанской каюте отца, о чем он, конечно, уже знал – «матросский» телеграф работал без сбоев! – не стушевался:

– Ваше превосходительство, разрешите обратиться к их высокоблагородию капитану 1-го ранга?

– Обращайтесь! – разрешил контр-адмирал, довольный тем, что его сын, с которым они не виделись целых три года, строго соблюдает все требования устава.

– Господин капитан 1-го ранга, гардемарин Чуркин по вашему приказанию прибыл!

– Добро! Вы, Андрей Петрович, – обратился он к гардемарину, – пообщайтесь с Петром Михайловичем, а я пока дам некоторые необходимые распоряжения, – полуофициально распорядился командир и тактично вышел из каюты.

– Папа! – метнулся Андрей к отцу, когда дверь за командиром закрылась.

– Здравствуй, сынок! – счастливо проговорил тот, обнимая гардемарина.

Так и стояли они, накрепко связанные не только родственными, но и дружескими мужскими узами. Затем Петр Михайлович несколько отстранил от себя сына:

– Ну и вымахал же ты, Андрюша, за это время! Еще чуть-чуть, и, пожалуй, догонишь меня по росту.

– Как говорит матушка, яблоко от яблони далеко не падает, – радостно заметил Андрей, с любовью и гордостью глядя на отца.

– Вспомнил-таки о любимом выражении матери, – удовлетворенно заметил Петр Михайлович. – А она ждет не дождется, когда увидит тебя, мореплаватель.

– Придется еще некоторое время ей потомиться. Да и мне вместе с ней.

Петр Михайлович вопросительно посмотрел на сына.

– Дело в том, что наш командир предупредил нас с Алексеем, что отпустит нас по домам только после нашего производства в мичманы.

– Ай да Степан Осипович! – озадаченно воскликнул контр-адмирал, удивившийся несколько неординарному, с его точки зрения, решению Макарова.

– Поэтому он и направил нас в Морской корпус для снятия мерок в пошивочной мастерской в сопровождении офицера, чтобы мы ненароком не отлучились по своим домам. Кроме того, старший офицер сказал нам, гардемаринам, что представления на нас по приказу командира были подготовлены им заранее, еще в конце плавания, и теперь уже переданы в Главный морской штаб. Так что, папа, передай маме, что ждать ей осталось не так уж и долго.

– То-то она обрадуется, увидав тебя с мичманскими погонами на плечах! Вот только жаль, что ненадолго.

Андрей удивленно вскинул брови:

– Отчего же, папа?! Ведь мне после производства в мичманы предоставят положенный в таком случае отпуск. Неужели ты, контр-адмирал, забыл положение о прохождении воинской службы?

– Выходит, что забыл, сынок. – Проверка удалась – сын четко держал свою руку на пульсе флотской жизни.

– И как же ты намерен провести свой первый офицерский отпуск?

– Вначале приду в себя дома после длительного плавания в Мировом океане. А затем думаю отдохнуть и поохотиться в нашем имении.

– В каком именно?

Андрей удивленно глянул на отца:

– В нашем родовом, что в Костромской губернии, конечно. Ведь именно с ним связаны мои самые яркие детские и юношеские воспоминания. А Савельич, страстный и опытный охотник, с которым ты неоднократно охотился в наших обширных угодьях, со своим верным Полканом составит мне вполне достойную компанию, – мечтательно произнес он. – Я ведь правильно мыслю, папа?

Петр Михайлович ностальгически вздохнул, вспомнив о былых днях, проведенных во время отпусков вместе с семьей в этом имении.

– Конечно, правильно, Андрюша. Если только Полкан окончательно не состарился – ведь он тогда уже был в довольно солидных собачьих годах. А вот как ты представляешь себе свою дальнейшую службу, я имею в виду на каких кораблях?

Тот улыбнулся:

– Ты спрашиваешь меня так, как будто у меня есть право выбора. – И задумался. – Хотя должен сказать тебе, что перед отправкой наших представлений в Главный морской штаб старший офицер как бы вскользь спросил меня о том, на каких кораблях я бы хотел служить. И я, к его немалому удивлению, ответил, что, конечно, на миноносцах.

– Это почему же? – с радостно забившимся сердцем спросил Петр Михайлович.

– Понимаешь, папа, сразу же после прихода «Витязя» в Кронштадт его офицеры узнали, что еще в 1886 году, то есть сразу же после нашего ухода в кругосветное плавание, на флот поступило несколько миноносцев, построенных на германской верфи. И не минных катеров, которыми был оснащен прославившийся во время Русско-турецкой войны пароход «Великий князь Константин» под командой нашего командира, а мореходных кораблей, способных перемещаться на значительные расстояния. Сейчас они уже прошли ходовые испытания, показав при этом, представь себе, скорость хода в двадцать два с лишним узла!

Петр Михайлович сделал вид, что удивлен этим, хотя знал тактико-технические характеристики миноносцев еще при их проектировании.

– И уже вскоре, после установки на них торпедных аппаратов, – взволнованно продолжил Андрей, – они будут введены в боевой состав военно-морского флота. И, что самое главное, – таинственно, понизив голос, сообщил он, – я заметил, как наши офицеры, я имею в виду офицеров «Витязя», с завистью относились к тем офицерам, которым предстоит служить на этих миноносцах.

– Это почему же? – заинтригованный словами сына, спросил Петр Михайлович.

– Да потому что на этих самых миноносцах соберутся единомышленники, одержимые общей идеей массированного применения торпедного оружия в будущих войнах! Это во-первых. А во-вторых, служба на миноносцах, по их мнению, менее обременительна в том смысле, что там нет того драконовского порядка, который установлен на кораблях первого ранга.

Андрей торжествующе глянул на отца.

– И именно поэтому ты и решил связать свою судьбу с миноносцами?

– Не только, – хитровато улыбнулся сын. – И чем же это, спрашивается, вы вместе со Степаном Осиповичем занимались в твоём горячо любимом Морском техническом комитете? А, может быть, вспомнишь, как назывался отдел, которым ты руководил? И если мне не изменяет память, то он назывался отделом минного оружия. Не так ли, ваше превосходительство?

– Именно так, господин гардемарин! – в тон сыну ответил контр-адмирал. – А если быть до конца честным, Андрюша, то я одобряю твой выбор.

Андрей прямо засветился от радости.

– Кстати, мне кажется, что Степан Осипович будет того же мнения, – как бы между прочим заметил Петр Михайлович.

– Ты уверен в этом? – с тайной надеждой спросил Андрей, еще не веря в свое счастье.

Еще бы! Ведь двое самых близких по флотской службе мужчин, да к тому же в столь высоких чинах, которые были для него непререкаемыми авторитетами, одобряли его выбор!

– На девяносто девять процентов. Кстати, где-то загулял наш гостеприимный хозяин, – как бы между прочим заметил контр-адмирал. – Пора бы ему, пожалуй, и вернуться в свою каюту.

Андрей улыбнулся, благодарный командиру за возможность откровенно, от души побеседовать со своим отцом тет-а-тет после столь долгой разлуки.

Петр Михайлович позвонил в колокольчик.

– Позови-ка сюда, братец, командира корвета! – приказал он появившемуся вестовому.

– Есть, ваше превосходительство! – с готовностью ответил расторопный матрос.

Глава IV

Канун Русско-японской войны

Успешно завоевав территории феодальных государств в Средней Азии, Российская империя обратила свои взоры на Маньчжурию и Корею. После присоединения к ней в 1860 году Уссурийского края создавались необходимые предпосылки для аннексии и этих территорий.

Однако в этом Азиатско-Тихоокеанском регионе интересы России столкнулись с интересами ее извечной конкурентки Англии, а также Германии, предпринявшей после победы во Франко-прусской войне 1870 года строительство мощного броненосного флота, к которому после так называемого «обновления Мейдзи» присоединилась и Япония.

Тем не менее русская дипломатия в этом вопросе неожиданно получила убедительный аргумент. Дело в том, что в 1872 году Владивосток стал главной военно-морской базой эскадры Тихого океана. Однако при всех преимуществах базирования ее кораблей в бухте Золотой Рог она обладала и одним существенным недостатком – на три-четыре месяца сама бухта, как и пролив Босфор-Восточный, покрывались льдом, препятствовавшим круглогодичной навигации в их акваториях. А так как все бухты Уссурийского края были замерзающими, встала проблема приобретения незамерзающего военного порта уже за пределами территории Российской империи.

Одной из особенностей, связанной с удаленностью малоосвоенной территории Дальнего Востока от центральных районов России, являлась практическая невозможность содержать на этой далекой окраине сколь-нибудь значительный воинский контингент. В этих условиях оставался единственный шанс сохранить эти территории во владении российской короны – возместить нехватку сухопутных сил созданием в регионе военно-морской группировки, которая должна была стать основой русского дальневосточного могущества. И эта необычная для сухопутной державы ситуация, когда ее далекие рубежи оборонялись почти исключительно военно-морскими силами, продолжалась на Дальнем Востоке вплоть до начала XX века.

Поэтому так остро и встал вопрос о приобретении незамерзающего военного порта на Дальнем Востоке, отвечавшего необходимым для русской военно-морской базы требованиям. По степени своей значимости они были следующими:

- незамерзающая гавань;
- близость к предполагаемому театру военных действий;
- просторная и глубокая бухта;
- выгодное для береговой и сухопутной обороны естественное положение;
- наличие путей сообщения и средств связи (телеграфных коммуникаций).

Идеального порта, соответствовавшего всем этим нормам, не существовало, но в большей или меньшей степени этим требованиям отвечали свыше десятка портов, находившихся на территории Китая и Кореи.

Со стратегической точки зрения предпочтение стоило бы отдать одному из портов на восточном побережье Кореи. В этом случае эскадра Тихого океана могла бы базироваться как в этом порту, так и во Владивостоке, расстояние между которыми было бы относительно незначительным. Однако приобретение незамерзающего порта было не самоцелью – Россию в первую очередь интересовала территория Маньчжурии.

Исходя из этих соображений, на территории Китая были выбраны два порта – Циндао и Порт-Артур. Однако Циндао был слишком удален от намечавшейся к строительству Китайской Восточной железной дороги как составной части Транссибирской железнодорожной магистрали, проходившей по территории Маньчжурии и соединявшей европейскую часть России с Владивостоком. Поэтому когда Германия, предварительно прозондировав отношение России

к возможности захвата ею Циндао и не получив возражений с ее стороны, ввела в него свою эскадру, то у России остался только один вариант – Порт-Артур.

Но, как оказалось, на Порт-Артур претендовала и Англия. Английская эскадра направилась в северную часть Желтого моря, и один из ее кораблей посетил Порт-Артур с целью убедиться в отсутствии там русских кораблей. Стало ясно, что конечной целью англичан является именно Порт-Артур.

Решением Особого совещания 26 ноября 1897 года под председательством императора Николая II командующий эскадрой Тихого океана контр-адмирал Дубасов получил указание послать отряд кораблей в Порт-Артур. Китай, опасаясь захвата этого пункта Англией, не только не протестовал, а более того, содействовал в этом России.

События развивались с головокружительной быстротой. Два отряда русских кораблей заняли Порт-Артур и Талиенван (будущий порт Дальний). В директиве командиру занявшего Порт-Артур отряда для противодействия его захвату англичанами позволялось действовать, «как повелевает присяга». В свою очередь, два английских крейсера прибыли на внешний рейд Порт-Артура, но китайцы запретили им вход в гавань. Несмотря на это, один из крейсеров все-таки вошел на внутренний рейд, где уже стояли три русских военных корабля. Три часа командир английского отряда проверял, насколько крепки нервы русских моряков, а затем покинул порт. Угроза вооруженного столкновения миновала. И 26 января 1898 года эскадра Тихого океана под флагом контр-адмирала Дубасова почти в полном составе собралась на рейде Порт-Артура.

По предварительному согласованию с Японией Англия решила компенсировать артурскую неудачу занятием китайского порта Вэйхайвэй, а в отношении дальнейших действий России на Квантунском полуострове «умыла руки». Россия же вступила в переговоры с Японией, обещая ей уступки в Корейском вопросе. Таким образом, Китай лишился международной поддержки, и Россия сломала его сопротивление, добившись правового оформления захвата Порт-Артура.

24 февраля 1898 года на совещании у великого князя Алексея Александровича было принято окончательное решение об аренде Квантуна. Император Николай II утвердил решение этого совещания.

Китай, однако, затягивал переговоры по уступке полуострова, и представлявший в нем интересы России посол Павлов в отчаянии телеграфировал из Пекина в Санкт-Петербург: *«Пока фактически мы не займем намеченной территории, до тех пор мы не добьемся удовлетворительного решения»*. В связи с этим в распоряжение контр-адмирала Дубасова был направлен военный десант для занятия Квантуна силой. Высадка десанта намечалась на 15 марта, но уже 11 марта Павлову удалось добиться его уступки мирным путем. 15 марта в Пекине стороны подписали русско-китайскую конвенцию, согласно которой территория Квантунского полуострова на двадцать пять лет передавалась в аренду России. Кроме того, разрешалось и проведение железнодорожной ветки от трассы Китайской Восточной железной дороги в порт Дальний на Квантунском полуострове.

16 марта 1898 года под грохот салюта кораблей эскадры Тихого океана в Порт-Артуре и Дальнем были подняты русские флаги. Тем самым стоявший в повестке дня вопрос о приобретении незамерзающего военного порта российского флота на Дальнем Востоке был решен.

* * *

Одной из лучших характеристик новой русской военно-морской базы может служить мнение контр-адмирала Дубасова, высказанное им по итогам первого осмотра: *«Как база для наших морских сил Порт-Артур совершенно не отвечает требованиям»*. Нельзя, конечно, утверждать, что Дубасов был абсолютно прав, но Артур имел массу недостатков. Из пяти

основных требований к дальневосточному русскому военному порту он не соответствовал двум: был связан с Россией только морем и имел слишком мелкую гавань. Но если эти недостатки впоследствии удалось исправить, то ничего нельзя было поделать с тем фактом, что базируясь на Порт-Артур, русский флот оставлял совершенно открытым и беззащитным восточный берег Кореи и, главное, – все дальневосточное побережье России. Кроме того, между русскими военными портами на Тихом океане – Порт-Артуром и Владивостоком – лежал тысячемильный морской путь, который Япония могла легко перерезать, укрепившись на южном побережье Кореи и заперев тем самым Корейский пролив. В этом случае эскадра Тихого океана разделялась на две части, которые можно было легко уничтожить поодиночке.

Таким образом, занятие Порт-Артура, предпринятое исключительно по политическим соображениям и вопреки мнению фактически всей военно-морской элиты, принесло России только вред. Пренебрежение интересами русского флота в пользу стремления установить контроль над Маньчжурией обернулось против самой России.

Пророческими оказались слова министра финансов С. Ю. Витте⁶¹, сказанные им великому князю Александру Михайловичу по поводу занятия Порт-Артура: *«Припомните сегодняшний день – вы увидите, какие этот роковой шаг будет иметь опасные для России последствия»*.

* * *

До середины XIX века флот Японии, находившейся в искусственной изоляции от всего мира, представлял собой действующий музей примитивных судов, типы которых восходили к древней истории страны и не могли сравниться с высшими достижениями мирового кораблестроения. И только после реставрации в 1868 году власти императора (микадо) – так называемого «обновления Мейдзи» – Япония встала на путь реорганизации своих вооруженных сил по европейским образцам.

В 1873 году в стране были созданы военное и военно-морское министерства, принят закон о всеобщей воинской повинности. Наряду с заказом кораблей за границей – в Англии и Франции – японцы с помощью французских специалистов оборудовали для строительства крейсеров адмиралтейство в Йокосуке. Программой 1889 года предусматривалось строительство двадцати пяти крейсеров и канонерских лодок, а также тридцати миноносцев. Однако из-за финансовых трудностей эта программа не была полностью выполнена. Новая японская кораблестроительная программа 1894 года предусматривала строительство уже двух броненосцев первого класса «наиболее сильного типа», и двух крейсеров. Таким образом, Япония приступила к созданию линейного флота на Дальнем Востоке.

В целях подготовки к войне с Россией, которая являлась основным противником ее агрессивных планов на азиатском континенте, намечалось невиданное в истории страны усиление армии и флота. Первая и вторая программы развития японского флота (1895 и 1896 гг.) предусматривали постройку десятков новых кораблей. В том числе четырех первоклассных броненосцев водоизмещением по 15 000 т и четырех бронепалубных крейсеров водоизмеще-

⁶¹ **Витте** Сергей Юльевич (1849–1915) – русский государственный деятель. Родился в семье крупного чиновника. Окончил физико-математический факультет Новороссийского университета в Одессе (1870). С 1889 директор департамента железных дорог Министерства финансов, с февр. 1892 министр путей сообщений, а с авг. 1892 министр финансов. Стремился противодействовать политике Японии на Дальнем Востоке и, проводя курс на сближение с Китаем, выступал против захвата Порт-Артура. В авг. 1903 получил отставку с поста министра финансов с назначением на пост председателя Комитета министров. Возглавлял делегацию, подписавшую Портсмутский мирный договор 1905 с Японией, за что получил графский титул. С окт. 1905 по апр. 1906 возглавлял Комитет министров. Однако оказался слишком «левым» для основной массы дворянства и верхушки правящей бюрократии и слишком «правым» для буржуазно-либеральных кругов октябристско-кадетского толка. 16 апр. 1906 подал в отставку, которая была принята. Оставаясь членом Государственного совета, был председателем Комитета финансов до самой смерти.

нием по 7500 т. Однако уже в 1897 году последние заменили на шесть более мощных броненосных крейсеров водоизмещением по 9600 т. На выполнение этих двух программ в течение десяти лет требовалось 246 миллионов йен – около 320 миллионов рублей. Учитывая, что общие военные расходы Японии до 1895 года не превышали тридцати миллионов рублей, эта сумма представлялась непосильной для государственного бюджета. Однако контрибуция с Китая после его разгрома в Японско-китайской войне 1894 года помогла Японии не только выполнить эти программы, но и завершить постройку крупных боевых кораблей к 1903 году.

Успех японской экспансии на материк определялся мощностью военного флота, который мог бы обеспечить перевозку и снабжение армии. Правильно оценивая роль флота в предстоящей войне, японское правительство в 1895–1904 годах выделяло на его содержание и развитие в среднем около сорока шести процентов от ежегодных военных расходов. Общие ежегодные расходы на вооруженные силы в 1899 году достигли 150 миллионов рублей. Немалую роль в финансировании военных приготовлений Японии сыграл и заем в размере 500 миллионов рублей, предоставленный США.

Энергичные меры по созданию кораблестроительной базы, предпринятые в Японии к началу войны, еще не обеспечили готовность верфей к строительству кораблей всех классов, а также заводов к выпуску самых мощных корабельных орудий. Поэтому неготовность верфей в сочетании со стремлением как можно быстрее завершить кораблестроительные программы привели к заказу всех крупных броненосных кораблей за границей.

Набравшую обороты военную машину Японии уже трудно было остановить без огромных материальных издержек. Однако это и не требовалось императорскому правительству: уже существовало решение развязать войну с Россией в начале 1904 года. Ведь в противном случае ожидаемое скорое усиление Российской Тихоокеанской эскадры превращало ее грозный Соединенный флот в дорогую, но бесполезную игрушку, не имевшую шансов на победу.

Глава V

Чрезвычайные события

Была ясная морозная ночь. Вдали, на западе, на внешнем рейде Порт-Артура, по редким огням угадывались корабли эскадры, стоящие на якорях. Вдоль берега Тигрового полуострова в одну линию вытянулись громады семи эскадренных броненосцев, а дальше к морю, в линию, параллельную броненосцам, стояли шесть крейсеров. Грозная сила, закованная в броню...

Андрей Петрович поежился от холода, неприятно забравшегося за ворот шинели. Миноносец «Бесстрашный», командиром которого он был, находился вместе с несколькими другими миноносцами в охранении к востоку от эскадры. Все было абсолютно спокойно, и он, предупредив вахтенного офицера, мичмана Скоробогатова, решил до утра «покемарить», как любил выражаться его младший брат Степан.

Спустившись в каюту, предупредил своего вестового⁶², чтобы он разбудил его ровно в шесть часов утра, разделся и лег в холодную постель. Он прекрасно знал, что сегодня, 26 января 1904 года, в доме командующего эскадрой вице-адмирала Старка состоится традиционный бал, посвященный дню Марии. А супругу хозяина большого гостеприимного дома звали Мария Ивановна.

«То-то сейчас многочисленные гости веселятся в адмиральском доме, – с долей зависти подумал он. – Наверное, там будет и сам наместник государя на Дальнем Востоке адмирал Алексеев⁶³. Но мой миноносец, к сожалению, находится в охранении эскадры. Ну что же, служба есть служба!» – философски рассудил он и уткнулся лицом в подушку, чтобы хоть ненадолго забыться тревожным сном.

– Ваше высокоблагородие! Ваше высокоблагородие!.. – негромко, но настойчиво повторял рассыльный, пытаясь разбудить спящего командира.

Тот открыл глаза и, увидев встревоженное лицо матроса, рывком сел в постели.

– Ваше высокоблагородие, на эскадре слышна беспорядочная стрельба, и во все стороны шарят лучи прожекторов! – скороговоркой доложил рассыльный.

Сон, и до этого беспокойный, как рукой сняло. «Неужели японские миноносцы осмелились атаковать корабли эскадры?!» – мелькнула страшная догадка, и в груди разом похолодело – он вспомнил упорные слухи о том, что японские поданные незадолго перед этим спешно покинули не только Порт-Артур, но и весь Квантунский полуостров.

Не попадая в рукава мундира и чертыхаясь, старался как можно быстрее надеть поданную вестовым форму, и, уже на ходу застегивая шинель, устремился на мостик. Сердце, казалось, готово было выпрыгнуть из груди.

– Господин капитан 2-го ранга, на эскадре слышна беспорядочная стрельба и во все стороны шарят лучи прожекторов! – как бы повторяя слова рассыльного, доложил вахтенный офицер мичман Скоробогатов.

На эскадре действительно была слышна стрельба и из стороны в сторону метались лучи корабельных прожекторов. Вспыхивали зарницы орудийных вспышек. Далекий треск выстрелов малых калибров перекрывался грохотом орудий главного калибра. На мачтах кораблей непрерывно мигали разноцветные огни сигнальных фонарей. Затем раздались глухие мощные взрывы.

⁶² **Вестовой** – в русском флоте матрос, состоявший при офицере для личных услуг.

⁶³ **Алексеев** Евгений Иванович (1843–1918) – русский адмирал (1903). Окончил Морской корпус (1863). С 1899 главный начальник и командующий войсками Квантунской области и морскими силами на Тихом океане, с 1903 наместник царя на Дальнем Востоке. За неудачи в Русско-японской войне 1904–1905 отстранен от должности.

– Боевая тревога! – приказал командир, и, когда вахтенный офицер нажал красную кнопку возле машинного телеграфа, во всех корабельных помещениях раздались прерывистые звуки колоколов громкого боя⁶⁴.

Моментально миноносец превратился в кишачий муравейник – матросы в разных направлениях стремительно разбежались по своим местам по боевому расписанию. На семидесятипятимиллиметровом носовом орудии смачно клацнул затвор, досылая снаряд в казенную часть.

На мостик взбежал старший офицер лейтенант Бестужев. Приняв доклады с боевых постов и из машинного отделения, доложил:

– Господин капитан 2-го ранга, корабль к бою готов! – и вопросительно посмотрел на командира.

– Японские миноносцы атакуют эскадру! – коротко пояснил тот, уже ничуть не сомневаясь в трагизме происшедшего.

– Вот сволочи косоглазые! – в сердцах воскликнул лейтенант и грубо выругался. – Прошу извинения, Андрей Петрович, но ведь японцы атакуют нас без объявления войны!

Тот согласно кивнул головой, не обратив особого внимания на ругань своего подчиненного, – начались боевые действия, тяжелая мужская работа, и все средства были хороши для того, чтобы разбить и уничтожить врага, иначе он непременно сделает это с тобой. Это непреложный закон любой вооруженной борьбы.

– Включить прожектор! Осмотреть водную поверхность!

«Хотя кому мы нужны, если на внешнем рейде стоят броненосцы и крейсера! Так себе, мелочь...» – промелькнула шальная мысль у Андрея Петровича, отдавшего эти команды.

Через некоторое время сигнальщик доложил:

– Ваше высокоблагородие, корабли противника не обнаружены!

– Чего и следовало ожидать, – буркнул тот, удовлетворенный подтверждением своего предположения.

– Полный вперед! – приказал он и круто развернул миноносец.

– Попытаемся перехватить японские миноносцы на отходе, – пояснил Андрей Петрович свой маневр старшему офицеру. – Свои торпеды, как я полагаю, они уже израсходовали.

– Дай-то Бог, Андрей Петрович! Вот тогда бы мы им показали кузькину мать! – запальчиво воскликнул старший офицер, и глаза всех моряков, присутствовавших на мостике, вспыхнули недобрым, мстительным огнем.

Однако обнаружить японские миноносцы так и не удалось. Поэтому Андрей Петрович приказал возвращаться к эскадре.

– Прожектор не выключать! Включить свои опознавательные огни! – приказал он. – А то, чего доброго, наши ошалевшие в этом кошмаре комендоры запросто могут разнести наш миноносец в щепки.

Благополучно подойдя к эскадренному броненосцу «Петропавловск», он доложил вице-адмиралу Старку, который уже прибыл на флагманский корабль. Было видно, что вице-адмирал потрясен событиями.

– Ваше превосходительство, на море неприятельских судов не обнаружено!

В ответ он услышал много неприятных слов в свой адрес. Однако, излив свою наболевшую душу, адмирал наконец-то сообразил, что стоявший перед ним навтыяжку капитан 2-го ранга имеет к случившейся трагедии лишь косвенное отношение. И уже более спокойным голосом приказал ему возвращаться в гавань Порт-Артура.

Под Золотой Горой стоял приткнувшийся на мелководье броненосец «Цесаревич», а недалеко от него – крейсер «Паллада».

⁶⁴ Колокол громкого боя – электрический звонок с резким громким звуком, имеющий обычно вид небольшого колокола.

Когда же «Бесстрашный» подошел к входу в гавань, то слева, у Тигрового Хвоста, открылась темная громада броненосца «Ретвизан», тоже приткнувшегося носом к берегу, корпус которого частично перекрывал мелководный проход.

– Наверное, его командир хотел ввести подорванный корабль в гавань, на внутренний рейд, однако с его осадкой этот проход может быть преодолен лишь в большую воду, то есть во время прилива, – предположил Андрей Петрович. – Это тебе не мы, вездесущие миноносцы, – добавил он, усмехнувшись.

– Еще, слава богу, что не потоплен ни один большой корабль эскадры. Хотя не такое уж большое, но все-таки утешение, – задумчиво произнес старший офицер, оглянувшись в сторону эскадры.

– Вот в этом я полностью согласен с вами, Евгений Аркадьевич, – подтвердил командир. – Тем не менее о генеральном сражении с японским флотом теперь нужно, к сожалению, забыть на несколько месяцев.

– Уж это точно, Андрей Петрович, – вздохнул лейтенант. – Ведь в Артуре всего лишь один сухой док, и придется теперь мастеровым латать подорванные корабли во временных деревянных кессонах⁶⁵.

– Да и мастеровых-то этих, присланных из Петербурга с Невского завода для сборки миноносцев, как кот наплакал, – поддакнул ему в тон командир.

* * *

В здании Морского собрания вахтенный офицер крейсера «Паллада» лейтенант Бровцын делился с окружившими его офицерами своими впечатлениями о ночном нападении японцев на эскадру.

– На «Петропавловске» пробило шесть склянок⁶⁶, и одновременно начался перезвон и на других кораблях эскадры. Я уже предвкушал скорую смену с вахты.

Офицеры понимающе закивали головами.

– В это время со стороны Дальнего показалось несколько миноносцев, которые шли со всеми огнями. Я был несколько удивлен их появлением и стал в бинокль рассматривать подходящие суда. Ничего необычного не заметил: обычные четырехтрубные миноносцы с кожухом посередине, похожие на наши с Невского завода, каких много в артурской эскадре. Меня, однако, смутило то, что они шли прямо на «Палладу», и я приказал вахтенному сигнальщику запросить у них позывные.

Однако, не отвечая на запрос с «Паллады» и подойдя к эскадре на два-три кабельтова, миноносцы разделились. Два из них направились к голове эскадры, а остальные – к концевым кораблям. И тут же один за другим раздался два сильных взрыва.

У офицеров, с напряжением слушавших лейтенанта, вырвался скорбный вздох, скорее похожий на глухой стон.

– На кораблях эскадры вспыхнули прожектора, лучи которых стали искать невидимые корабли противника, и открылась беспорядочная стрельба из орудий и пулеметов.

На верхнюю палубу крейсера стали торопливо выбегать офицеры и матросы, занимая места по боевому расписанию, хотя боевую тревогу я не объявлял, и колокола громкого боя молчали. Вы же знаете, что это прерогатива командира корабля или, как минимум, старшего

⁶⁵ **Кессоны** – устройство для частичного осушения подводной части корабля, предназначенное для ее осмотра и ремонта. Представляет собой деревянный или металлический ящик, открытый сверху и со стороны, прилегающей к обшивке корпуса корабля, изготовленный по форме его обводов в данном месте.

⁶⁶ **Склянка** – получасовой промежуток времени. Название происходит от стеклянных песочных часов, употреблявшихся в парусном флоте. Около получасовых часов безотлучно стоял вахтенный матрос, который каждые полчаса переворачивал склянку и отмечал это соответствующими ударами в судовой колокол.

офицера. – Слушатели согласно закивали головами. – Один из миноносцев, подойдя к нашему крейсеру, выпустил в него одну за другой две торпеды. Я прекрасно видел оранжевые вспышки выстрелов торпедных аппаратов и появившиеся вслед за этим в темной ночной воде хорошо видимые полосы от приближающихся торпед.

– Торпеды с левого борта! – отчаянно закричал сигнальщик.

– А что я мог сделать?! – лейтенант обвел слушателей тоскливым взглядом. – Крейсер стоял на якоре и, естественно, не имел хода, чтобы попытаться отвернуть в сторону от стремительно приближающихся смертоносных самодвижущихся мин. Только ждать неизбежного...

Офицеры истово крестились, представив себя на его месте.

– Раздался грохот двух взрывов, слившихся в один, и на палубу обрушились столбы воды, сбивая с ног людей. Корабль сильно качнуло, и он стал крениться на левый борт. В это время с уходящего миноносца донеслись торжествующие крики «банзай!».

– Вот оно, азиатское коварство! – возмущенно воскликнул один из офицеров, выражая тем самым их общее мнение. – Нет и не будет им пощады!

– Это, конечно, так, – согласился с ним капитан 2-го ранга. – Но, господа офицеры, как известно, два эскадренных броненосца и один крейсер первого ранга выведены из строя. Так что о генеральном сражении с японским флотом нужно, к сожалению, забыть как минимум на несколько месяцев.

Это был Андрей Петрович, повторивший свою мысль, высказанную им еще на мостике своего миноносца во время атаки японскими миноносцами кораблей эскадры.

– К великому сожалению, нельзя не согласиться с вами, Андрей Петрович, – заметил другой капитан 2-го ранга, тоже один из командиров миноносцев. – Ремонт подорванных японцами кораблей действительно потребует значительного времени. К тому же Старк подавлен свалившимся на него несчастьем и, по моему мнению, не сможет оказать вице-адмиралу Того⁶⁷, командующему Соединенным японским флотом, активного противодействия даже имеющимися в его наличии силами артурской эскадры. Поэтому необходимо назначение на должность командующего эскадрой нового, энергичного адмирала, обладающего наступательным мышлением. Я имею в виду вице-адмирала Степана Осиповича Макарова, который изложил свои взгляды на ведение вооруженной борьбы на море в современных условиях в своем великолепном труде «Рассуждения по вопросам морской тактики». И посему молодым офицерам настоятельно рекомендую не только прочесть, но и изучить его.

Мичмана и лейтенанты заворуженно слушали опытного офицера. В их глазах легко читалась появившаяся надежда на успешное противостояние японскому флоту после понесенных эскадрой серьезных потерь в виде поврежденных торпедами кораблей.

– А чтобы исключить возможность кривотолков в мой адрес, официально заявляю, что высказанные мной здесь мысли изложены в докладной записке на имя заместителя государя на Дальнем Востоке адмирала Алексеева.

Все офицеры многозначительно переглянулись – теперь они уже были уверены, что так необходимые изменения в руководстве эскадрой произойдут непременно.

В разговор вступил недавно подошедший командир крейсера «Новик» капитан 2-го ранга Эссен⁶⁸, пользовавшийся большим уважением и авторитетом в среде офицеров эскадры.

⁶⁷ **Того** Хэйхатиро (1847–1934) – японский адмирал флота (1913). Участник Японо-китайской войны 1894–1895, командир крейсера. В Русско-японскую войну 1904–1905 командовал эскадрой, затем главнокомандующий Соединенным флотом Японии, участвовавший в боевых действиях у Порт-Артура и в Цусимском сражении. С 1909 член Высшего военного совета.

⁶⁸ **Эссен** Николай Оттович (1860–1915) – адмирал русского флота. Окончил Морской корпус (1880) и Морскую академию (1886). В 1892–1900 служил на кораблях Тихоокеанской эскадры и в отряде кораблей в Средиземном море. С 1902 командир крейсера «Новик», с 1904 – эскадренного броненосца «Севастополь» 1-й Тихоокеанской эскадры. Участник обороны Порт-Артура в Русско-японскую войну 1904–1905. В 1906–1908 начальник Морских сил Балтийского моря, в 1911–1915 командующий Балтийским флотом. Сопратник и последователь адмирала С. О. Макарова.

– Должен сообщить вам, господа офицеры, о том, что накануне нападения японцев на эскадру, стоявшую на внешнем рейде Порт-Артура, отряд японских кораблей в составе нескольких крейсеров и миноносцев блокировал в корейском порту Чемульпо наши стационары – крейсер первого ранга «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец». Попытка командиров обоих кораблей с боем прорваться в Порт-Артур окончилась неудачей. Поэтому, чтобы предотвратить захват кораблей японцами, получивший тяжелые повреждения крейсер «Варяг» был затоплен, а канонерская лодка «Кореец» взорвана, не спуская Андреевских флагов, своими командами, которые перешли на иностранные корабли, находившиеся в Чемульпо. Подробности боя наших кораблей с японцами пока не располагаю.

Офицеры в глубокой скорби склонили свои головы, отдавая дань уважения русским морякам, принявшим неравный бой с превосходящим их отрядом японских кораблей и не сдавших своих кораблей врагу.

* * *

– Разрешите, ваше высокопревосходительство?

В кабинет вошел улыбающийся вице-адмирал Макаров.

– Никак вы, Степан Осипович, не можете обойтись без того, чтобы не внести в наши отношения элемент чинопочитания! – улыбаясь, вышел навстречу гостю Петр Михайлович уже с тремя черными орлами на погонах.

– Такой уж я человек со столь скверным характером...

– Дай Бог каждому иметь такой характер!

Они крепко пожали друг другу руки.

– Если пожаловали ко мне в гости, стало быть, опять надолго убываете из Петербурга. – Петр Михайлович испытующе посмотрел на вице-адмирала: – Дальний Восток?

– Вы, как всегда, проницательны, Петр Михайлович. Буквально на днях получил высочайший рескрипт, повелевающий мне вступить в должность командующего флотом Тихого океана. Так что завтра же выезжаю по железной дороге в Порт-Артур.

– Мудрое решение государя! Тем более что вы будете первым, если мне не изменяет память, в истории России командующим флотом Тихого океана? – Макаров, несколько смутившись, утвердительно кивнул головой. – Знаменательное событие! Однако, по моим сведениям, обстановка в Порт-Артуре после ночной атаки японскими миноносцами кораблей артурской эскадры тяжелая. Да к тому же в Чемульпо погибли «Варяг» с «Корейцем». Старк явно деморализован. Поэтому от всей души поздравляю вас с новым назначением. – И, подумав, добавил: – Отчасти даже завидую вам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.